Роберт Говард

КОНАН и алтарь победы

Северо-Запад

Annotation

Амра, продолжая пиратствовать после смерти Белит, попадает в плен к странным существам, которыми правят могущественные маги. И Конан спускается в Лабиринт, дабы начать Игру…

•

Андре Олдмен

Последний игрок судьбы

Глава первая

ЧЕРНАЯ ГАЛЕРА

Небольшая фазела ходко бежала по синеве Западного моря. Весла были убраны, гребцы отдыхали.

Донна Эстраза, юная зингарка, стояла возле перил, ограждавших возвышение на корме корабля, и глубоко вдыхала морской воздух, стараясь унять дурноту, мучившую ее от самой Кордавы. Ей уже надоело путешествие, и волны, переливавшиеся всеми оттенками голубого и зеленого, уже не казались столь прекрасными, как поначалу. Кроме того, обитаемые места остались позади: желтые скалы и белые стены крепостей, темная зелень кипарисовых рощ и золотые купола храмов, под которыми жрецы денно и нощно молились за успех и безопасность путешественников, скрылись из глаз, берега теперь были пустынны.

Донну Эстразу успокаивало только обещание капитана Поулло, заверявшего, что еще до наступления ночи они будут в Мессантии. Карастамос, ее опекун и воспитатель, стоявший рядом, довольно потирал сухие ручки в предвкушении скорого отдыха на берегу. Он, как и Эстраза, успел разлюбить море, страдая от качки.

Попутный свежий ветер надувал оба паруса, фазела скользила по отлогим волнам. Капитан Поулло Кроче, аргосец, поседевший и обветренный, как морской утес, уверенно держал рукоять руля, всматриваясь в горизонт. Над его головой развевался золотой вымпел вольного порта Гарзея. Ветер крепчал, и капитан улыбался в усы.

— Позвольте подняться, месьор Поулло? — донесся с палубы задорный молодой голос.

— Прошу вас, месьор Лабардо!

По лестнице ловко взбежал невысокий коренастый юноша в зингарском берете, украшенном пером цапли.

Крупный горбатый нос и густые брови старили его, но достаточно было взглянуть на серо-синие веселые глаза, чтобы убедиться в том, что перед вами человек молодой, причем

малый не промах. Юноша сей поднялся на борт судна прошлой ночью, и, хотя донна Эстраза не без основания считала, что «Ласточка» нанята старым Карастамосом исключительно в их собственное пользование, она не стала возражать против подобной компании.

Честь подъема на капитанский мостик, помещавшийся на корме, месьор Лабардо принял как должное, не замечая.

Он облокотился на резной барьер кормы рядом с девушкой и покрепче натянул берет.

— Вижу, вы вняли моим уговорам, донна, — произнес он бархатным голосом. — Надеюсь, вам полегчало.

— Вы были правы, — откликнулась Эстраза, — если смотреть на пенный след за кормой, морские волны перестают вызывать неприятные ощущения. И еще ветер — он освежает и бодрит.

Лабардо послюнил палец, поднял его над головой и усмехнулся:

— Здесь два ветра. Два воздушных течения, не правда ли, капитан?

— Так, месьор. Слева дышит, наполняя наши паруса, свежий Ветер Митры, о коем молятся жрецы в прибрежных храмах.

— А справа?

— Справа, месьор Лабардо, временами доносится горячий зной с Барахских островов. Говорят, он подобен ветрам, дующим на Серых Равнинах. Митра сотворил Барахские острова, чтобы добрые мореходы помнили о бренности всего сущего

— Но Красных Братьев мы до сих пор не встретили?

— Не говорите о них, месьор Лабардо. Путешествие не окончено, и о кровожадных псах рано забывать.

Вот тогда-то Эстраза услышала имя Амра.

— А правда ли, — спросил Лабардо, — что в здешних моря более всего опасаются некоего черноволосого демона, могучего, словно десница Мардука, и безжалостного, как стигийский змей Сет? Говорят, он бороздил воды на черной галере во главе черного экипажа, и его молодцы наводили ужас на все побережье от устья Черной до самого Куша…

— Это так, — отвечал капитан не сразу и неохотно, — зовут этого разбойника Амра, что значит Лев. Он был под рукой знаменитой Белит, пиратки, имя которой проклято всеми честными людьми западного побережья. Но не будем о нем говорить, лучше помолимся Бору, дабы и далее держался попутный ветер…

И капитан Поулло навалился на рукоятки руля. Фазела, скрипя и подрагивая, сделала полуповорот влево.

— Лучше нам держаться поближе к берегу, — проговорил мореход севшим голосом, — ветер, сдается мне, начал слабеть, придется переходить на весла, а на малой скорости опасность возрастает.

Теперь низкий, поросший густыми зарослями берег стал хорошо виден. Большая река извивалась по равнине и, бурля, вливалась в море. Мутная темная дельта густо поросла тростником и казалась безлюдной.

— О, Митра! — вздохнул капитан. — Это устье Громовой, но ветер слабеет с каждой минутой, а ночь еще не скоро…

Его усы уныло обвисли, в темных глазах заметались искорки страха.

— Что это чернеет?

Обернувшись, Лабардо указал пальцем вперед.

— Мыс Орла. Следующий за ним — мыс Сухого Пальца. Обогнув его, мы сможем

возблагодарить Митру за помощь и заступничество.

Эстраза пристально вглядывалась в бегущие слева неясные очертания, моля Изиду о заступничестве. Ночь всегда была для нее чем-то жутким, таящимся за стенами надежного дома, но сейчас ночь была желанна: как только на море падала тьма, фазела заходила в ближайшую бухту, чтобы переждать опасности, подстерегавшие мореходов под светом холодных звезд.

— Вы дрожите, донна? — услышала она чуть насмешливый голос зингарца. — Позвольте предложить вам плащ.

В другое время ее оскорбил бы этот тон, но сейчас Эстраза с благодарностью приняла услугу молодого человека — легкий ворс подбоя лег на ее плечи.

— Клянусь Мучеником Лабардо, моим покровителем, вы напрасно беспокоитесь. Наш капитан достаточно опытен, а судно надежно и скороходно, думаю, вскоре все страхи окажутся позади, и огни Мессантии согреют наши сердца.

— Сладкими речами да полнятся чаши, — кивнула девушка, опираясь на руку спутника. — Что это за перстень у вас на пальце, месьор Лабардо? Я никогда не видела столь прекрасного камня!

— Это? О. это, подарок Светлейшего Даркатеса, Верховного Жреца Митры. Он подарил мне этот перстень, когда я три раза подряд победил его…

— Победил жреца?! — Эстраза не могла скрыть удивления.

— Это длинная история, но, чтобы скоротать скуку, я могу ее рассказать.

Месьор Лабардо говорил небрежно, даже нехотя. Сегодня утром он нарочно достал из шкатулки перстень с крупным желтым камнем, чтобы привлечь внимание юной дамы, с которой ему предстояло коротать путь из Кордавы в Мессантию. Камень был своеобразной индульгенцией его возможной нескромности, и потому молодой Лабардо заговорил о вещах, многими утаиваемых из ложной, как он считал, гордости.

— Позвольте вам открыть, донна Эстраза, что ваш покорный слуга — всего лишь деревенщина, родившийся в захолустье Пуантена. Да-да, прекрасная дама, не морщите ваш милый носик, Лабардо по прозвищу Смышленый — всего лишь сын виноградарей. И неблагодарный сын, прошу заметить. Я бежал из отчего дома, едва лишь минуло мне от роду восемнадцать зим, о чем, признаюсь, нисколько сейчас не жалею.

Донна Эстраза слушала речь юноши со всевозрастающим вниманием. Бежав из дому, Лабардо добрался до столицы Аквилонии, прекрасного и манящего города Тарантии, где решил посвятить себя изучению премудрой судейской науки. Лабардо не стал упоминать, что захватил из дома изрядную сумму в золотых монетах, скопленную его родителями за долгие годы виноградарских трудов. Денег хватило, чтобы определиться вольнослушателем в столичную академию, где, под неусыпным присмотром наставников и жрецов, молодежь с показным усердием и не слишком скрываемой тоской изучала пыльные эдикты и пандекты, а также квадриум наук, необходимых для будущих радений на благо отечества. Многие были определены в студенты родственниками, другие прибыли из обителей, сменив послушнические хитоны на черные мантии. Все они не могли взять в толк, как можно по собственному почину предпочесть вольное житье параграфам и кодексам: на Лабардо первое время косились.

Однако пуантенец быстро снискал расположение однокашников и даже заслужил прозвище Смышленый, правда, не на ниве познания, а за более увлекательное занятие.

Лучшей забавой студентов (конечно, после вина и девок) была игра, называемая

«мельница». За расчерченной мудреным образом доской сражались двое противников, передвигая разноцветные фишки: каждый имел набор из двух цветов и должен был, выстраивая на доске замысловатые фигуры, побить фишки соперника либо запереть их в тупиках рисованных лабиринтов. Причем доски могли быть маленькими, для игры скоротечной и несерьезной, либо побольше, для более искусных игроков; настоящие же мастера пользовались досками, могущими уместиться разве что на огромном круглом столе посреди дворцовой залы.

Лабардо начал с малого, а кончил настоящей Игрой. Поначалу он одерживал верх над своими товарищами, выигрывая кружку браги или мелкую монету, со временем доски, на которых он играл, стали побольше, в кошельке зазвенело золото, а вскоре молодой пуантенец был удостоен чести посетить дворец графа Борромина, покровителя академии и большого любителя «мельницы».

Почти год Лабардо учился премудростям Игры и вскоре добился больших успехов. Он освоил самые замысловатые ходы и фигуры, имевшие не менее замысловатые названия, которыми щеголяли записные игроки: все эти «телеги со склона», «каре легкой конницы», «ветер из угла» и так далее. Он обыгрывал сильнейших и только графу Борромину время от времени сдавал партии, но столь искусно, что граф так и не заподозрил, что с ним играют в поддавки.

Вельможа весьма благоволил юноше и даже предложил ему добиться при дворе должности и титула, от чего пуантенец вежливо отказался. К тому времени ему уже опротивели древние манускрипты и пергаменты, покрытые кляксами чернильного сока: отныне Игра полностью поглотила Смышленого. Он понял, что гораздо лучше оставаться свободным, а деньги можно легко выигрывать: в тавернах ли, во дворцах ли — все равно. Вместо того чтобы смолоду погребать себя в тиши скрипториев, он решил отправиться в путешествия и посмотреть мир.

И тут случилось событие, переломившее его жизнь.

Оно застало юношу в таверне, за кубком темного аргосского вина. Плосколицый нотариус Дато, который тоже не пропускал ни одного сборища во дворце Борромина, влетел в таверну, запыхавшись, глотнул из чужой кружки и выпалил:

— Лабардо, друг мой, жребий брошен! Вчера ко двору нашего короля прибыл зингарский посол. От кого, как ты думаешь?

Все молчали. Дато допил кружку, вытер рот рукавом и встал в позу.

— Сей посол — сам Картаконес, Преподобный Держатель Чаши и правая рука Верховного Жреца кордавского Храма Митры, знаменитого Даркатеса!

Большинству посетителей таверны эти имена ни о чем не говорили, но игроки в «мельницу» отлично знали Светлейшего Даркатеса, слывшего непобедимым и первейшим искусником передвигать фишки по лабиринтам. Сам граф Борромин отзывался о нем с большим уважением, смешанным, впрочем, с легким презрением, питаемым обычно аристократами по отношению к выходцам из низов, кем, собственно, и был верховный зингарский жрец, поднявшийся на верхнюю ступень социальной лестницы благодаря необыкновенной хитрости, вероломству и умению сдавать партии зингарскому королю столь же искусно, как сам Лабардо «ложился» под своего благодетеля-графа. Впрочем, сии подробности были известны лишь посвященным, для остальных Светлейший Даркатес сиял, словно звезда в высоком небе.

В Кордаве время от времени устраивались настоящие турниры, на которых не

преломляли копья, а мерились силами за «мельничными» досками. В тот год как раз намечались подобные состязания, и посол Верховного Жреца прибыл в Аквилонию, дабы подыскать здесь достойных игроков. Граф Борромин рекомендовал ему Лабардо, Дато и еще одного молодого человека, который не смог, впрочем, отбыть из Тарантии по семейным обстоятельствам.

Вместе с Преподобным Картаконесом друзья отправились вначале в Танасул, а оттуда, сев на роскошную барку, предоставленную наместником, поплыли вниз по реке Ширке и Громовой — в Кордаву, столицу Зингары. Они почти не выходили из каюты, разыгрывая между собой все возможные начала партий, выстраивая самые замысловатые фигуры из фишек, помогая друг другу выйти из самых отчаянных положений. Дато был вторым среди игроков после пуантенца (если не считать графа Борромина, конечно), и время они провели с большой пользой.

По ночам, под скрип уключин и плеск воды за бортом, Лабардо снилось золото. Много золота, мешки, сундуки с крепкими запорами и даже бочки, полные звонкой монеты. Еще ему снились дворцы с огромными залами, фонтанами и цветными витражами в окнах, толпы слуг и наложниц, огромные виноградники… Да, он подарит виноградники своим родителям и сделает так, чтобы старикам никогда не пришлось гнуть на них спину. Пусть работает тот, кто менее удачлив; он, одаренный богами даром побед за деревянной доской, достоин лучшей жизни и может теперь отдать отцу и матери долг — с большими процентами, разрази всех Мардук своими молниями! Лабардо знал, что ставки на кордавских турнирах высоки, и надеялся в самом скором времени стать богатым человеком.

И он не ошибся: ставки действительно оказались высоки. Даже слишком, особенно — последняя.

Он с блеском обыграл тридцать восемь человек (в том числе и Дато, выбывшего из состязаний на третий день), прежде чем Верховный Жрец удостоил его своим вниманием.

Предстояла заключительная игра, состоявшая из трех партий, причем, если претендент проигрывал первую из них, он считался побежденным. А это значило…

В этом месте пуантенец прервал свой рассказ. Он молча смотрел на пенящиеся за кормой волны, а лицо его приобрело грустное, даже трагическое выражение.

— Что? — прошептала донна Эстраза, сжимая тонкими побелевшими пальчиками резные поручни. — Что же сие означало, месьор Лабардо?

— О! — воскликнул молодой человек, пристально глядя в глаза девушке. — Мое поражение обрекло бы меня на вечное рабство в Храме Митры, именуемое лукавыми жрецами несколько по-иному. Они называют это послушничеством. Кроме того, мне пришлось бы принести обет вечного молчания, подкрепленный добровольным лишением собственного языка.

— Какой ужас! — Зингарка закрыла лицо ладонями и отшатнулась. Потом слегка развела пальцы и выглянула в щелку. — Но вы выиграли, не правда ли?

— Увы, — покачал головой Лабардо, — я проиграл первую партию.

Эстраза опустила руки и поглядела на своего собеседника в полном недоумении.

— Но как же…

Пуантенец не дал ей закончить и заговорил глухим мрачным голосом.

— Зингарский король назначил день поединка и присутствовал самолично…

Весь в черном бархате, король оперся на ручку трона. Он был бледен, узкая светлая борода переплелась на груди с цепью Ордена Золотого Лотоса — единственным

украшением, которое он носил. Огромная доска лежала у подножия трона.

Жрец Даркатес сидел на низеньком стульчике, его толстый живот лежал на коленях под просторным хитоном, по гладкому белому лицу гуляла снисходительная улыбка.

Рядом, длинноголовый и бесстрастный, застыл Преподобный Картаконес.

Лабардо бросил на пол свой плащ и устроился на нем.

Атласные одежды придворных смешались с шафранными хитонами младших жрецов и грубошерстными балахонами послушников. Одним из них, лишенным навеки языка и свободы, предстояло стать соискателю в случае победы Светлейшего. А в посрамлении новичка никто из собравшихся не сомневался.

К изумлению всех Лабардо отлично начал игру и вскоре получил преимущество. Слуги в мягких чулках проворно сновали по огромной доске, передвигая разноцветные фишки, выстраивая их в ряды и фигуры. Угроза поражения все более нависала над Даркатесом.

Лабардо жертвовал качество, трепеща от предвкушения близкой победы. Он рассыпал по доске призрачные узоры: его «каре», «стрелы» и «бутоны» собирались словно бы для атаки, но как только цепочки фишек жреца грозили их разорвать, Лабардо делал, как бы неверный ход, его узоры рассыпались в прах, а на их месте возникали новые фигуры, запиравшие проходы, уничтожавшие атаку, заставляющие слуг снимать с доски все больше раскрашенных деревянных кружочков…

Лабардо почти не смотрел на противника. Он играл стремительно, полностью уверенный в победе. Между тем Преподобный Картаконес наклонился к плечу Светлейшего и что-то шепнул на ухо патрону. Даркатес в задумчивости потер огромный желтый перстень на среднем пальце, поднес его к глазам, как бы любуясь игрой света в гранях камня, и сделал ход.

К тому времени на доске оставалось совсем немного фишек. Преимущество Лабардо было бесспорным. Ему оставалось составить комбинацию, называемую «цитадель», чтобы стать победителем.

И тут все рухнуло.

— Я не заметил всего лишь одну красную фишку, стоявшую столь далеко, что я не предал ее существованию должного значения, — удрученно покачал головой юноша и снова уставился в пенный след за кормой. — Мне нужно было пожертвовать одну свою, чтобы окончательно запереть эту деревяшку в тупике! Я же решил сыграть красиво и… поторопился. Вместо того, чтобы помешать мне построить «цитадель», Даркатес отвел оставшиеся фишки, как бы открывая мне поле деятельности, а потом, как по мосту, бросил свой последний резерв прямо в центр моей «крепости»!

Я проиграл.

Он закрыл лицо руками, заново переживая момент своего унижения. Он вспомнил презрительную усмешку короля, восторженные крики придворных, одобрительное гудение жрецов и слова Даркатеса, вонзившиеся прямо в сердце, как отравленное лезвие стилета: «Я знал, что в Аквилонии нет сильных игроков, но этот мальчишка, пожалуй, наихудший среди всех. Нет большего позора, чем торопливая самоуверенность в начале и полная беспомощность в конце партии».

Даже сейчас эта надменная речь болью отозвалась в груди. Пуантенец гордо выпрямился, откинул со лба длинные пряди и звонко воскликнул:

— Но я не сдался, прекрасная донна, нет, я не сдался! Король уже сошел с трона, когда я, повинуясь отчаянию, оскорбленный не столько за себя, сколько за великую Аквилонию,

бросился к его ногам. Я даже осмелился коснуться рукой черного шелкового чулка зингарского монарха! «Ваше величество! — молил я, сдерживая рыдания. — Впервые в жизни я играл перед очами великого государя со столь знаменитым противником. Я смутился, и руки моя ошиблась! Не уходите! Сейчас я выиграю у Светлейшего Верховного Жреца великого Митры три партии, три партии подряд! Если я этого не сделаю, пусть накажет меня Податель Жизни, а имя мое будет предано вечному проклятию!»

— Что же ответил король? — в ужасе прошептала Эстраза, тиская атласный платок.

— Он промолчал и вопросительно взглянул на Даркатеса. Тот, казалось, пребывал в раздумье, поглаживая свой перстень. Потом глухо произнес: «Ты наглый юнец и заслуживаешь самого сурового урока. А так как я являюсь наместником Митры на земле, то карать тебя в случае проигрыша буду я сам. Имя твое слишком ничтожно, чтобы предавать его проклятию. Тебе просто отрубят голову».

Казалось, юная зингарка вот-вот готова упасть в обморок. Стоявший рядом с ней воспитатель неодобрительно поглядывал на пуантенца, не осмеливаясь, однако, вмешиваться в разговор.

— Отчаяние и обида за родную Аквилонию толкнули меня на столь рискованное заявление, — уже спокойнее продолжал Лабардо, исподволь любуясь на произведенное его повестью впечатление. — Я понимал, что надежды почти нет, и все же решил сражаться до конца. Мне показалось, что Преподобный Картаконес старается отговорить своего патрона от дальнейших состязаний, что-то отчаянно нашептывая тому на ухо, но я не придал тогда этому внимания.

Все мое существо было поглощено предстоящими партиями, каждая из которых могла оказаться последней, ибо условия оставались прежними. Я молился, молился беззвучно, но самозабвенно, я испрашивал милости богов, я упрашивал Митру снизойти до ничтожнейшего из его рабов, ибо величайшие, каковым, несомненно, являлся Светлейший Даркатес, в снисхождении не нуждаются…

И свершилось чудо!

Три раза подряд побагровевший, с трудом сдерживающий ярость Светлейший вынужден был признать свое поражение. Придворные и жрецы безмолвствовали, король ухмылялся в усы не без злорадства: он не любил Верховного, которого когда-то сам возвысил и который имел теперь власть, не уступавшую власти самого монарха. Когда Даркатес проиграл третью партию и, подхватив живот, направился в сопровождении толпы приближенных к выходу, король окликнул его, назвав по имени.

Жрец обернулся, и его багровое лицо залила мертвенная бледность.

«Даркатес, — сказал король, — ты, кажется, забыл, что причитается претенденту в случае выигрыша».

Жрец скрипнул зубами, с усилием стащил с жирного пальца кольцо с огромным, переливающимся всеми оттенками желтизны камнем и бросил его на гранитные плиты дворцовой залы…

— Вот он! — торжественно завершил рассказ молодой человек, поднимая руку и любуясь перстнем. — Подарок Верховного Жреца, сделанный, увы, не от чистого сердца!

Капитан Поулло с завистью покосился на самоцвет.

— Какая разница, — пробурчал он, — бьюсь об заклад, что цена ему — целое состояние.

— Гораздо больше, — усмехнулся Лабардо, — вам и не снилось, сколько он стоит, мой

капитан!

— И королевские милости, — прощебетала донна Эстраза, радуясь, что страшный рассказ кончился вполне благополучно. Теперь зингарка не сводила восторженных глаз с юного пуантенца. — Королевские милости, почести победителю — все это стоит гораздо большего, чем какой-то камешек!

— Вот тут вы ошибаетесь, — несколько томно отвечал Лабардо, — никаких почестей не было. Более того, ночью в гостиницу, где я остановился, прибыл тайный посланник короля. Его Величество с истинным благородством, свойственным особам королевской крови, предупреждал меня, что месть Даркатеса не заставит ждать, и предлагал немедленно и тайно покинуть Зингару. Я счел за благо прислушаться к этим предупреждениям и немедленно отправился в порт, где почтенный месьор Поулло дозволил мне взойти на борт его корабля.

— О, боги! — воскликнул тут капитан, всплеснув руками. — Сумма, которую вы мне предложили, месьор Лабардо, достаточно велика, но лучше бы вы рассказали все это в какой-нибудь мессантийской таверне! Мы еще не пересекли аргосскую границу, и если за вами выслали погоню…

— Успокойтесь, — небрежно махнул рукой пуантенец, — за мной не было слежки. И потом, мне покровительствует сам зингарский король. Ничего не бойтесь и лучше прикажите вашим людям взяться за весла — ветер совсем спал.

Капитан не удержался от грубого ругательства в присутствии дамы: за разговорами он упустил столь важный момент и теперь злился, что какой-то мальчишка смеет указывать ему, что делать, на борту его собственной посудины. Впрочем, воспоминание о кожаном мешочке со звонкой монетой, который этот мальчишка передал ему в руки, поднимаясь на «Ласточку», несколько остудило гнев старого морского волка.

— Эй, Джакопо! — гаркнул капитан, решив сорвать зло на помощнике. — Тысяча морских бесов тебе под ребра, ты что, не видишь, что паруса обвисли?! Пусть гребцы протрут глаза и поработают мускулами!

Курчавая голова, повязанная шелковым платком, выглянула из люка и сплюнула за борт темную жвачку. Джакопо оскалил белоснежные зубы, улыбнулся во весь рот, словно заслужил от своего начальника невесть какую похвалу, и снова скрылся внизу. Под палубой двенадцать гребцов с ворчанием взялись за весла. Матросы убрали паруса, фазела сразу сбавила ход.

— Навались! — гудел снизу голос Джакопо. — Три тысячи каракатиц вам в глотки, спать будете в Мессантии!

Солнце уже касалось морских волн, отбрасывая золотистую дорожку. Мыс Орла приближался, озаренный последними лучами, устье Громовой осталось позади. Донна Эстраза и Лабардо стояли рядом, облокотившись о перила мостика, и любовались закатом. Пуантенец начал вспоминать хвалебный сонет, сочиненный в его честь неким месьором Саавардом, королевским менестрелем…

Внезапно капитан Поулло застонал и бросил рукоять руля…

Остановясь на полуслове, Лабардо и девушка посмотрели туда, куда указывала дрожащая капитанская рука.

Они увидели, как от тростников оставшегося позади устья Громовой отделился длинный черный силуэт и стремительно заскользил в их сторону, разрезая темные волны высоким, круто загнутым носом.

— Что это, месьор Поулло? — испуганно воскликнула зингарка.

— Это они! Это корсары, барахские псы, порождение преисподней… О, Митра! Разве мог я ждать их здесь, возле зингарского берега?

Капитан ломал руки. Лабардо схватился за эфес шпаги.

— Вооружайте людей, месьор Поулло! Мы будем защищаться!

— Защищаться? Чтобы нас всех перерезали, как овец? На этой галере их не меньше сотни! О боги, какой несчастный день!

Темный силуэт быстро увеличивался в размерах. Двадцать пар весел равномерно поднимались и опускались по ее бортам. На палубе, размахивая кривыми саблями, пиками и абордажными крючьями, метались темные фигуры.

На лестнице мостика появился курчавый Джакопо.

— Что прикажете, капитан? — спросил он, лязгая зубами.

— Что прикажу? Что прикажу! Молиться!

— У ваших матросов есть оружие? — спросил Лабардо.

— Только ножи и несколько сабель…

— Нергал вас задери, как же вы пускаетесь в плавание с пустыми руками? Или вы собираетесь драться веслами?!

— Не безумствуйте, умоляю, — дернул его за рукав Поулло. — Если мы будем благоразумны, гарзейская морская гильдия выкупит нас у барахцев через месяц.

— А если нам перережут глотки или заставят пройти по доске?

— На «Ласточке» не так уж много ценностей, чтобы пренебречь командой. Наш вымпел заставит пиратов подумать о выкупе: Гарзея — вольный город и уважает морские законы. — Задница Нергала! Может, ваши купцы и уважают морские законы, но что вы скажете о даме, которая находится у вас на борту?

Поулло смущенно отвернулся: он ничем не мог помочь донне Эстразе и ее старому воспитателю.

— Не беспокойтесь обо мне, — неожиданно твердо заявила девушка. — Мой дядя достаточно богат, чтобы заплатить за мою свободу. Грязные псы не посмеют…

В этот миг с палубы раздался вопль, полный ужаса.

Матросы, сгрудившиеся у борта, отпрянули, многие кинулись в трюм, несколько человек прыгнули в воду.

— Что еще? — обернулся к капитану Лабардо.

Бледный Поулло, судорожно вцепившись в перила мостика, вылезшими из орбит глазами смотрел на приближающуюся галеру. Рот его был раскрыт, лоб покрыт мелкими бисеринками пота, на бритом подбородке поблескивала струйка слюны.

— Это Амра, — выдохнул в ухо пуантенцу Джакопо, хватаясь за горло, — Черный Лев Западного моря… Нам конец!

Борт галеры ударил в левый бок «Ласточки». Полетели абордажные крючья, с диким гиканьем на палубу хлынула толпа пиратов…

Ничего этого донна Эстраза уже не видела: ноги ее подкосились, и зингарка опустилась на еще теплые доски капитанского мостика.

Глава вторая

ИГРА

Она кричала и вырывалась, пускала в ход ногти, извивалась змеей, пытаясь выскользнуть из сильных рук, потом смирилась и затихла, и только стонала, когда он овладел ее беспомощным телом — безжалостно, грубо и неотвратимо.

И был огонь, пожирающий ее тело, и был вихрь, подхвативший ее душу на вершины блаженства…

И еще была боль и ярость — бессильная ярость побежденной самки…

Потом она услышала плеск волн за бортами галеры и тихо застонала, одергивая разорванный подол платья непослушными пальцами. Тело сводила судорога, отвращение переполняло все ее существо, женщина бессильно откинулась на потертые подушки, лежащие в изголовье, и тихо застонала.

Судно покачивалось на волнах мертвой зыби. Тошнота, мучившая ее в течение всего плавания на «Белой ласточке», снова подкатила к горлу. Эстраза поднесла ладонь к глазам: светлые полоски охватывали тонкие пальцы в тех местах, где еще недавно красовались кольца, многочисленные кольца с изумительными камнями. Все ее драгоценности — перстни, подвески, ножные и ручные браслеты — лежали теперь в сундуках варвара, который только что получил последнюю дань со своей пленницы.

Эстраза смотрела из-под полуприкрытых век, стараясь не шевелиться и не привлекать внимания сурового черноволосого разбойника, который, возлежа на свертках шелка, еще недавно составлявших груз быстроходной «Ласточки», попивал теперь вино из потертого меха, порыгивая и почесывая могучую голую грудь, покрытую отвратительными шрамами.

Амра… Да, так называли его пираты, напавшие на их корабль. Безжалостный корсар, наводящий ужас на все побережье от Пустошей Пиктов до Островов Сиптаха. Его черная галера, именуемая «Белит» в честь подруги-пиратки, сгинувшей неведомо куда, являлась мореходам предвестницей верной гибели. Амра не щадил никого: ни купцов, суливших богатый выкуп, ни пассажиров — знатных, незнатных ли, все равно… Его именем пугали детей, наместники портовых городов сулили за его голову до трех тысяч золотых. Многие пытались заработать эти деньги, да сгинули в морских пучинах. Амра же продолжал разбойничать, перехватывая корабли там, где его меньше всего ждали.

Когда «Белит» ударила своим высоким бортом в борт фазелы, на палубе «Белой ласточки» началась паника. Иные бросались за борт, чтобы стать легкой добычей многочисленных акул, шнырявших вокруг кораблей: смерть в пасти морских чудовищ они предпочитали жестокой расправе.

Другие упали ниц и возносили отчаянные молитвы к богам, надеясь вымолить спасение. Все, начиная от капитана Поулло и месьора Лабардо, до самого последнего человека на борту побросали в воду все, что могло напоминать оружие — таким образом, они надеялись заслужить хотя бы толику снисхождения и спасти свои жизни.

Абордажные крючья вонзились в борта обреченной фазелы, поток полуголых, бронзовых, размахивающих кривыми саблями людей с гортанным клекотом растекся по палубе.

Не успела бы сгореть и половина самой тонкой свечи, как все было кончено. Многие матросы были убиты, хотя и не оказывали никакого сопротивления. Других жестоко избили, связали и бросили в трюм. Капитан лишился своего корабля, товаров и всех ценностей,

юный пуантенец был ограблен до нитки. Оба они вместе с уцелевшими остатками команды оказались на мокрых досках, крепко связанные по рукам и ногам. Набожный Кроче богохульствовал, словно портовый грузчик.

Галера взяла на буксир «Ласточку» и пошла на северо-запад, в сторону Барахских островов. Так шли всю ночь, и на палубах обоих кораблей пираты справляли празднество в честь легкой победы. Вино лилось рекой, громкие вопли оглашали пустынные морские просторы, и лишь равнодушная к людским делам луна взирала с небес на эту дикую оргию. К утру главарь пиратов решил, что достаточно отошел от зингарского берега, чтобы не опасаться кордавских военных галер, патрулировавших побережье, и приказал остановиться на отдых.

На мачты полезли дозорные, остальные корсары, утомленные возлияниями и плясками при луне, вповалку заснули на палубе. Сам Амра отправился в капитанскую каюту своего судна, чтобы сполна возблагодарить себя за труды и насладиться обществом прекрасной пленницы.

Он изнасиловал ее жестоко и яростно и теперь отдыхал, откинувшись на тюки шелка, попивая вино из кожаного меха и поглядывая на зингарку холодными синими глазами.

Его лицо не было лишено привлекательности, правильные черты невольно притягивали взор женщины, могучая грудь ровно вздымалась, бугры мускулов ходили под кожей, и весь он был олицетворением неукротимой, неодолимой и жестокой силы. Корсар был наг, капли пота поблескивали на смуглой коже, черные волосы, схваченные на затылке красной лентой, напоминали вороново крыло. Эстраза старалась снова вызвать в себе отвращение, накатившее, когда этот человек грубо подчинил ее своей воле, но вместо этого поймала себя на том, что смотрит на варвара с восхищением. И новое, неведомое еще чувство поднялось в ее груди: щемящее, жгучее и сладостное…

Эстраза невольно застонала и приподнялась на локте.

— Ты — Амра? — с трудом произнесла она пересохшими губами.

Он криво ухмыльнулся и молча кивнул.

— Что ты сделаешь со мной?

— Я уже сделал.

Голос пирата был спокоен, в нем не чувствовалось злобы.

— Теперь… ты убьешь меня?

Он снова кивнул.

— Но почему? — вскричала зингарка с отчаянием. — Хотя мои родители умерли, мой дядя, к которому я плыву в Мессантию, достаточно богат, чтобы заплатить хороший выкуп!

Амра помолчал, снова приложился к меху и сделал большой глоток. Струйка янтарной жидкости потекла по его груди, сверкая в лучах утреннего солнца, падавших в каюту сквозь квадратное окно.

— Если ты знаешь мое имя, почему задаешь такие вопросы?

— О, господин мой, — все так же отчаянно заговорила Эстраза, страшась, что он перебьет ее, и разговор будет закончен, — слухи о тебе ходят по рынкам, тавернам и гостиным богатых домов! Говорят, что ты пришел с севера и когда-то служил в армии нашего короля. Говорят также, что ты был разбойником в Аргосе, а потом примкнул к страшной пиратке Белит, наводившей ужас на все Западное побережье еще совсем недавно. Но я слышала также, что Амра, ходивший вместе с нею в набеги, никогда не убивал женщин и детей. Что же изменилось с тех пор?

Корсар смотрел на неё не мигая и молчал.

— Ответь мне, о лев морей, чье сердце не могло так ожесточиться, ответь, почему…

— Белит умерла.

Он произнес это тихо, но Эстраза уловила боль, таящуюся за спокойными словами.

— Она умерла и забрала с собой мое сердце. Так что здесь, — он похлопал себя по груди, — ничего нет.

За бортами галеры тихо плескалась вода, поскрипывали мачты. Наверху, в корзинах, лениво перекликались дозорные.

— И ты…

— Я поклялся, что буду в ее честь поить море кровью до тех пор, пока река Зархеба, где погибла Белит, не окрасится в алый цвет.

Эстраза в ужасе закрыла глаза.

— Но, — услышала она бесстрастный голос пиратского капитана, — я не убиваю беспомощных. Все вы пройдете по доске. Остальное сделают акулы.

Зингарка чувствовала, как холодная волна ужаса подкатывает к горлу. Амра говорил с ней без злобы, но лучше бы он кричал, лучше бы бил ее, мучил и насиловал… снова и снова — она готова принадлежать ему, быть его рабыней, только не смерть в акульей пасти!

Тихо поскуливая, Эстраза сползла на пол каюты и попыталась поцеловать руку, сжимавшую мех. Амра толкнул ее ногой, вытер губы и поднялся.

— Покончим с этим сейчас, — сказал он, — не хочу, чтобы ты умерла от страха. Пойдешь первой, потом — остальные.

Он ухватил женщину за волосы и силком выволок на палубу. Яркое солнце ударило в глаза, крики чаек оглушили…

— Эй, кто-нибудь! — рявкнул Амра, пиная похрапывающего у борта пирата. — Доску на борт!

В этот миг над фальшбортом показалась черная голова в зеленой косынке. Чернокожий разбойник, поднявшийся по веревочной лестнице, спрыгнул на палубу.

— Мой господин, — поклонился он, приседая и выворачивая ярко-красные губы, — Сам Али, этот собака, он…

— Что еще?

— Сам Али, неверный пес, играл с одним из пленных в «мельницу». Сначала на его жизнь, потом на остальных.

— И что же?

— Сам Али проиграл, мой капитан.

Амра зарычал и, оттолкнув зингарку, в два прыжка взлетел на корму галеры. «Белая ласточка» покачивалась сзади в полете стрелы, привязанная к разбойничьему судну длинной веревкой. На капитанском мостике фазелы, вокруг тощего человека в белой чалме, толпились пираты.

— Поднимай людей, Морта! — гаркнул варвар. — Подтянуть фазелу, Нергал сожри ваши гнилые кишки!

* * *

В темном и сыром трюме не был виден восход солнца.

Пленники еще не проснулись, когда сверху по скрипучей лестнице спустился огромный чернокожий с ятаганом у пояса и фонарем в руке. Бормоча что-то на непонятном языке, он грубо растолкал Лабардо, взял его под мышку и легко, словно котенка, вынес на палубу. Наверху было жарко, сияло солнце, легкий бриз покачивал фазелу. Чернокожий пират развязал пуантенцу мучительно замлевшие руки и толкнул в плечо. Лабардо с трудом взобрался на высокую корму, на которой он вчера говорил с капитаном Кроче не как ограбленный пленник, а как гордый победитель Светлейшего Даркатеса.

Теперь капитан валялся в грязи и сырости трюма, связанный, как баран на бойне. На его месте, близ рулевого весла, под огромным зонтиком желтого шелка, поглаживая лежавшую рядом белую чалму, сидел на подушках странный человек.

Длинный, как огурец, череп его порос мягким рыжеватым пухом. Чудовищный нос нависал над верхней губой, а рот был узкий, словно шрам от сабельного удара. Крохотные круглые серые глазки поблескивали глубоко под надбровными дугами, словно хитрые зверьки, спрятавшиеся в норах в ожидании добычи.

Это был Сам Али, известный барахский пират, ученик и преемник страшного короля Красных Братьев, Карбаросса Длиннобородого, бежавший недавно из королевской тюрьмы в Кордаве. Карбаросс считал Али одним из лучших своих капитанов, и на то были веские основания. Родом из Турана, Сам Али промышлял когда-то разбоем на море Вилайет, лежащем между гирканскими степями и хайборийскими землями, а потом перебрался на запад, где, в просторах океана, развернулся во всю силу своего разбойничьего таланта.

Славился он умом и жестокой расчетливостью. Красные Братья кормились морем, примерно так, как кормятся рыбаки. Только вместо рыбы море приносило им добычу в виде имущества и людей, которых можно было продать на невольничьих рынках Шема, Стигии или Куша.

За богатых пленников давали щедрые выкупы, поэтому выгоднее было захватывать людей влиятельных и богатых, и Сам Али превосходно умел это делать. Безродных мореходов он обрекал на рабство или заставлял прогуляться по доске, состоятельным же путникам приходилось опасаться лишь недолгого заточения в ожидании отступных.

Услышав, как чернокожий назвал этого человека по имени, Лабардо вздохнул с облегчением. Амра, славившийся своей дикарской непредсказуемостью, был раньше корсаром-одиночкой, теперь же, когда среди его людей оказался известный барахский пират, можно было попробовать договориться с ним о выкупе.

Сам Али взглянул на подходившего к нему юношу, выбросил вперед левую руку и указал на нее пальцем правой руки.

— Это твое кольцо? — спросил он на отличном зингарском языке.

— Нет, мой господин! — Лабардо постарался придать побольше бодрости своему голосу. — Оно было моим когда-то, но потом, перешло к достойнейшему!

Али расхохотался тоненьким бабьим смехом.

— Люблю умных людей, — сказал он, поглаживая острый череп. — Вероятно, вы из знатных, а, месьор? Может быть, граф или сын графа? Как прикажете вас величать?

— Меня зовут Лабардо Смышленый, мой господин, но я не граф и не сын графа. Я бедный студент Тарантийской академии права…

— И носишь на пальце кольцо в тысячу золотых монет! Как думаешь, месьор студент, три тысячи не будет мало твою жизнь и свободу?

— Три тысячи монет?! Господин мой, если мои родители продадут свою землю и все,

что у них осталось, им не набрать и полутора тысяч…

— Но это кольцо?

— Кольцо попало ко мне случайно. Это подарок Светлейшего Даркатеса…

И Лабардо рассказал пирату всю правду. Он особо подчеркнул то благоволение, которое зингарский монарх ему оказал, и выразил робкую надежду, что король заплатит требуемый выкуп, буде месьор Али соблаговолит отправить весточку в Кордаву.

Корсар слушал внимательно, покачивая головой, накручивая на палец жидкую бороденку.

— Я знал, — сказал он задумчиво, когда Лабардо окончил свой рассказ, — я знал, что люди Запада ценят искусство игры в «мельницу» и даже щедро одаривают хороших игроков. Но «мельница» пришла с Востока, и люди Востока должны знать ее лучше… Я, например, еще не встречал равного себе игрока.

— Может быть, сыграем, мой господин? — осторожно спросил Лабардо.

Али посмотрел на пуантенца, в серых, глубоко запавших глазках мелькнула холодная свирепость. Он бросил чернокожему несколько гортанных слов на непонятном языке.

— Непременно сыграем, месьор студент, — сказал он мягко. — Но что вы можете поставить? У вас ничего нет!

Лабардо понурился. Пират говорил правду: что мог он предложить, когда все погибло? Они ограблены до нитки, прекрасную Эстразу утащил на галеру это страшный великан Амра… Кстати, Али ведет себя так, словно он тут главный, хотя корсары величали черноволосого северянина капитаном. Да какая ему разница?! С варваром вряд ли удастся договориться, так что надо спешить, пока он не вернулся на «Ласточку».

— Я поставлю свою жизнь, месьор! — гордо произнес пуантенец и посмотрел прямо в холодные глаза корсара.

— Твоя жизнь и так принадлежит мне! — засмеялся Али. — Достаточно мне мигнуть, и Морта отрежет тебе голову, как цыпленку.

Туранец кивнул на чернокожего, который осклабился и слегка коснулся рукояти ятагана.

— Если ты не граф и не сын графа, — продолжал Али насмешливо, — жизнь твоя не так уж и дорога. На рынке в Асгалуне за тебя дадут не более ста монет. В эту сумму мы и оценим твою жизнь, студент, согласен?

Он сделал знак Морте, тот спустился на палубу и вскоре вернулся с толстой дубовой доской, которую просунул между балясинами ограждения и закрепил одним концом на палубе. Второй подрагивал над синевой моря локтях в семи от борта.

— Вот, — весело сказал Сам Али, — вот, месьор Лабардо, ваша ставка! Если выиграешь, сто золотых твои. Ну а если выиграю я, ты прогуляешься по этой доске и спрыгнешь вниз… Акул здесь много, долго мучиться не придется.

Лабардо с тоской оглядел волны. Ни облачка, ни паруса на зелено-голубой бескрайней глади. Али смотрел на него прищурясь, хищно покачивая длинным носом. Лабардо перевел взгляд и увидел черную ухмыляющуюся рожу Морты, кривой ятаган у него за поясом… Гнев закипел в груди юноши, горячая кровь пуантенца требовала отмщения.

— Согласен! — сказал он твердо. — Ставлю свою жизнь, но не против ста золотых, а против моей свободы! Вы сами сказали, господин мой, что большего она не стоит. У вас есть игральная доска?

Сам Али порылся среди подушек, на которых сидел, и вытащил замшевый мешочек и доску, инкрустированную слоновой костью. Доска была не слишком большой, но расчерчена

плотно, лабиринты были замысловаты, и Лабардо сразу же понял, что эта «восточная мельница» более хитрая и изощренная, чем западная.

Они расставили фишки. Али подкинул монету: первым выпало ходить Лабардо.

Туранец, видимо, давно не играл. Он сделал ошибку в самом начале и проиграл почти без сопротивления. Молодой человек перевел дух и спросил осторожно:

— Я свободен, господин?

— Разумеется, — небрежно бросил Али. — Но мы еще не кончили играть. Теперь ты ставишь свою свободу против ста монет. Я, правда, давно не играл, но мы посмотрим…

Вторая партия длилась несколько дольше, но Лабардо выиграл. Али бросил к его ногам тяжелый кожаный мешочек и снова расставил фишки. Туранец начал заметно горячиться.

— Удвоим ставки, месьор Смышленый, — сказал он хрипло. — Мы с вами не дети…

Лишь на мгновение Лабардо заколебался. Ему почти удалось спастись, стоит ли искушать судьбу? Однако гордость пуантенца тут же заставила его устыдиться мимолетной слабости. Капитан Кроче и все его спутники валялись в трюме связанные, как колбасы, прекрасная Эстраза попала в руки свирепому варвару… Представив, что может проделывать Амра с зингаркой, Лабардо скрипнул зубами и сжал кулаки.

— Отлично, — сказал он, забыв добавить «мой господин». — Удвоим ставку.

Али начал разыгрываться. Лабардо чувствовал, что противник усиливается с каждой партией, но он ощущал в себе нетронутый запас сил, подогреваемый злобой и желанием отомстить за унижения.

Сопротивление туранца возрастало, но вместе с тем возрастала и зоркость Лабардо и его вера в себя. Вскоре возле него лежала груда кожаных мешочков. Али расстегнул халат и вытер шею шелковым платком. Морта, который несколько раз отлучался на палубу, подошел к нему сбоку и что-то шепнул на ухо.

Маска холодного игрока сразу слетела с лица туранца, он зашипел, как змея, чернокожий едва увернулся от удара плетью. Лабардо в испуге уставился на искаженное яростью лицо пирата, но тот внезапно усмехнулся, скривив губы.

— Извините меня, месьор Лабардо, — с изысканной вежливостью сказал корсар. — Команда не привыкла к проигрышам, советуют разные глупости… Этот северный дикарь окончательно испортил людей. Не беспокойтесь, месьор студент, Сам Али — человек слова.

Он стал снова расставлять фишки. Туранец явно рассчитывал вымотать противника и заставить его сделать ошибку. Времени у пирата было хоть отбавляй, золота тоже, и игра грозила затянуться до бесконечности. Больше всего Лабардо страшился появления черноволосого Амры, который мог испортить все дело. И тогда пуантенец решил идти ва-банк.

— Увеличим ставку, почтенный Али, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал его волнения. — Сыграем еще три партии: если вы выиграете хоть одну, я пройду по доске, и все будет ваше… Но если выиграю я, за первую партию вы вернете мне кольцо, за вторую — «Белую ласточку», а за третью — ее команду, включая пассажиров… Ну как?

Али потер череп и покачал головой.

— Ты азартен, как шадизарец, студент. Но что скажут люди и этот безумный Амра? А, плевать! — Лицо туранца снова исказилось судорогой гнева. — Думает, если вытащил меня из кордавских застенков, так может помыкать самим Али, лучшим другом Карбаросса Длиннобородого! Щенок! Я принимаю твои условия, Смышленый, с одним исключением — ничья будет считаться моим выигрышем. И помоги тебе Митра, если я сделаю ничью!

И снова страх заставил Лабардо на миг заколебаться.

Корсар требовал слишком многого. Но — он выиграл подряд не менее дюжины партий, ни разу его фишки не стояли плохо… Неужели он не сможет выиграть еще три? Всего три партии — и весь этот ужас рассеется, как дурной сон…

Лабардо надеялся, что Сам Али сдержит данное слово: у Красных Братьев был своеобразный кодекс чести, помогавший им вести дела со многими вольными городами побережья, готовыми платить дань, покупать награбленное, а то и позволять пиратским судам заходить на свои верфи для ремонта. Гарзея, чей вымпел еще недавно развевался за кормой «Ласточки», принадлежала к числу этих городов.

И пуантенец сказал решительно:

— Согласен, месьор Али. И да поможет мне Митра сейчас!

Первая партия далась нелегко. Туранец сумел построить цепь замысловатых фигур, которые оттеснили фишки Лабардо к краям доски. И все же Али попался в ловушку, именуемую «волчьей ямой», потерял много фишек и сдался.

Корсар, сжав побледневшие тонкие губы, стащил с пальца кольцо с желтым камнем и бросил его юноше. Поймав перстень, Лабардо едва подавил усмешку: второй раз бросают ему кольцо, и второй раз гнев снедает сердце того, кто это делает!

Вторая партия оказалась еще труднее. Сам Али долгое время сохранял отличную позицию, его «каре» и «стрелы» целили в самые уязвимые места противника, но в самом конце туранец допустил маленькую ошибку, которой Лабардо не замедлил воспользоваться. Пуантенец отметил, что концовки — самое слабое место в игре корсара. Вообще-то Али играл хорошо, даже с блеском, но, судя по всему, не был знаком с новейшими находками, которые так хорошо освоил Лабардо во дворце графа Борромина.

Оставалась одна партия, третья и последняя.

Толпа корсаров, собравшаяся тем временем вокруг играющих, стояла в угрюмом молчании. Морта страшно вращал белками глаз, и толстые его губы шептали проклятия на незнакомом языке. Потом чернокожий куда-то исчез, но Лабардо этого не заметил.

Все его внимание было приковано к доске и разноцветным фишкам. Юноша был совершенно спокоен: теперь, когда у него был перстень Даркатеса и корабль, оставалось вернуть лишь свободу своим спутникам, и пуантенец не сомневался, что сделает это. Митра услышал его мольбы, он не даст его в обиду!

Третью партию Али играл совсем по-другому. Он не старался, как прежде, сделать ничью: жертвуя фишки, туранец яростно атаковал по всем направлениям, стараясь получить преимущество и выстроить на свободном месте свою «цитадель». Лабардо вынужден был принять вызов, хотя предпочел бы решить дело без лишнего риска. Бешеный натиск Али обострил партию, на доске завертелась сумасшедшая карусель.

Лабардо играл уверенно и быстро, оставляя обреченные на гибель фишки в тылу противника, мешая ему построить главную фигуру. Казалось, что усилия его увенчаются полным успехом, как вдруг… вдруг, впервые за весь день, он сделал грубую ошибку, примерно такую же, как в первой партии с Верховным Жрецом. Он просто поторопился, не сделал в комбинации обязательного первого хода, а сделал сразу второй… И наступила катастрофа.

Ничто теперь не мешало туранцу построить «цитадель» и объявить выигрыш. Ему оставалось взять только одну фишку Лабардо…

Может быть, пират ее не заметит? Один неверный ход Али — и Лабардо спасен! А

вместе с ним свободу и жизнь обретут все пленники Амры.

Но нет, едва заметная улыбка тронула тонкие губы туранца: он взял фишку. Теперь его соперник мог передвигать оставшиеся хоть до посинения — он не в силах помешать корсару построить заключительную фигуру.

Как глупо! Как нелепо, как оскорбительно просто! Надо было всего лишь передвинуть фишку, чтобы образовался мост, по которому он смог бы ворваться прямо в «крепость» противника и разгромить его наголову! Теперь же «стенки» рисованных лабиринтов мешали это сделать, и лишь пяток ходов отделял Лабардо от поражения. И от смерти…

Лабардо, словно в бреду, сделал очередной ход, который был бесполезен, как снег в пустыне. Что толку в том, что у туранца осталось фишек только на то, чтобы выстроить призрачные стены «цитадели»? «Войско» соперника рассеяно по доске, заперто в тупиках, ему не успеть, не добраться, не помешать…

Сам Али потер сухие ладони и улыбнулся во весь свой тонкогубый рот. Он больше не в силах был скрывать торжества — мальчишка, дерзнувший бросить ему вызов, получил по заслугам! Глаза туранца блестели в предвкушении того, что он сотворит с наглецом. Пройти по доске, как же!

Пуантенец пройдет по ней, но то, что его ожидает прежде, заставит молить о скорейшей встрече с акулами!

Глядя на бараханца, пираты, большинство из которых ничего не смыслило в «мельнице», подняли радостный гвалт. Они вовсе не собирались упускать добычу, и причуды туранца были им не понятны. Корсары служили под рукой Амры, но если бы Сам Али приказал им отдать награбленное, они бы скрепя сердце повиновались: жестокость Красных Братьев не шла в сравнение даже с гневом варвара. Сейчас, казалось, подручный Карбаросса собирался одолеть противника и положить конец затянувшейся игре.

Лабардо сидел на палубе, поджав ноги, раскачиваясь из стороны в сторону, словно в трансе. Он тер и тер свой массивный перстень, передвигал фишки и, казалось, утратил всякий интерес к происходящему.

Али, откинувшись на подушки, сделал широкий жест рукой.

— Довольно, студент, — сказал он небрежно, — ты знаешь, что проиграл.

Пуантенец вздрогнул, поднес к глазам желтый камень, потом с видом крайнего изумления уставился на доску, губы его что-то беззвучно шептали, он принялся загибать пальцы, потом сказал едва слышно:

— Выигрываю в два хода.

Пираты яростно завопили.

Сам Али, думая, что противник его рехнулся от горя, громко рассмеялся.

— Ты знаешь, что такое «божественный трилистник»? — спросил Лабардо все так же тихо.

Али перестал смеяться. Он знал, что такое «божественный трилистник». Это была редчайшая фигура, составленная из фишек трех разных цветов в определенном положении. Фигура возникала на доске столь редко, что многие игроки-дилетанты о ней даже не слыхивали. Лабардо оставалось двинуть синюю фишку, чтобы образовавшийся в одном из дальних тупиков «трилистник» позволил ему перескочить через нарисованную стенку тупика. А дальше был «полет камня», «большой скачок лягушки», «выстрел катапульты» — тоже редкое, но вполне законное сочетание ходов, позволявшее проникнуть в почти достроенную «цитадель» туранца и разрушить ее…

Сам Али отшвырнул ногой доску, разноцветные фишки весело запрыгали по нагретым доскам капитанского мостика. Лабардо почувствовал, как крепкие руки схватили его за плечи. Искаженное лицо туранца приблизилось, нависло, заслонило небо.

— Покажи мне кольцо! — прошипел корсар, брызгая слюной.

Он схватил юношу за руку и поднес его кисть к своим глазам. Камень был все того же желтого цвета, и только в глубине его клубились, угасая, красные вихри.

— Тебе помог перстень, собака!

Туранец уже орал во всю глотку, его кривой кинжал коснулся горла пуантенца…

— Эй, Али, что это ты режешь моих пленников без разрешения? — раздался сзади сильный насмешливый голос.

По трапу на мостик «Белой ласточки» поднялся человек в набедренной повязке, с тяжелым прямым мечом в руках. Теряя от страха сознание, Лабардо узнал в нем грозу Западного моря, капитана Амру.

Глава третья

МЕЛКОГОЛОВЫЕ

Лабардо, видимо, недолго пробыл в беспамятстве. Когда он очнулся, услышал, как Али что-то отвечает Амре, быстро и вместе с тем высокомерно.

— Он проиграл и умрет, — разобрал юноша слова туранца. — Они все умрут, не будь я Сам Али, Красный Брат с барахских островов!

— Здесь я решаю, кому умирать, а кому нет, — отвечал капитан черной галеры. — Заруби это на своем длинном носу, гаденыш.

— Что-о? — Голос туранца зазвенел, как натянутая струна. — Как ты меня назвал, дикарь?

— Как слышал. Не нравится — можешь сойти.

— Да ты понимаешь, с кем разговариваешь? Ты знаешь, что я — преемник Карбаросса Длиннобородого, властителя Барахских островов? Знаешь, раз согласился помочь мне бежать из кордавской тюрьмы. А раз согласился — ты служишь Красному Братству и изволь говорить со мною почтительно!

Лабардо услышал, как северянин хмыкнул — словно лошадь всхрапнула.

— С Длиннобородым у меня одно дело — ремонт галеры. За то и подрядился твою задницу из ямы вытащить. Но, видишь ли, могу и передумать. Говорят, бараханцы иногда ставят свои суда на верфи Гарзеи, а эта посудина, сдается мне, оттуда. Так что вислоусый капитан не откажет в любезности выкупить свою жизнь ценой пары заплат на прохудившихся боках «Белит».

— Не смеши, — хохотнул Сам Али, — тебя вздернут на первом же суку даже без отходной молитвы. Ты, варвар, не умеешь жить в цивилизованном мире. Ты — дикарь, и законы чести тебе не ведомы.

— Мне ведом один закон — закон сильного. Сейчас сила на моей стороне, и если ты не прикусишь язык, он пойдет на корм акулам. Вместе со всем остальным.

— Вот видишь, — туранец вздохнул и сбавил тон, — не можешь просчитать игру даже

на два хода вперед. Если ты бросишь меня за борт, как думаешь, что сделает Карбаросс?

— Плевать я на него хотел.

— Послушай, Конан…

— Заткнись! Меня зовут — Амра!

— Хорошо, Амра, не будем ссориться. Доставь меня на Острова, как условились, а там делай, что хочешь. Отдай мне только мальчишку, этого желторотого наглеца, который думает, что может обыграть туранца…

— Но он тебя обыграл.

— Он победил нечестно! Перстень, который у него на пальце, подсказал ему последний, решающий ход.

— Морта сказал, пуантенец выиграл все партии.

— Да, выиграл, Нергал тебя задери! Но условия были такие: если он проигрывает хоть одну, я получаю все, включая его жизнь. А он непременно проиграл бы последнюю, если бы не кольцо…

Лабардо почувствовал пинок в плечо и перекатился на спину. Корсары нависали над ним, словно скалы над маленьким озерцом на дне пропасти. Губы Али подергивались, лицо северянина было спокойно.

— Говори, гусеница, — услышал пуантенец голос варвара, — твой перстень волшебный?

Лабардо кивнул, понимая, что подписывает себе смертный приговор.

— Что я говорил! — торжествующе воскликнул Али. — Я вернул золото, корабль и пленников. А тебя, колдун, ждет страшная смерть…

— Погоди-ка, — перебил его Амра. — Скажи мне, разве перстень двигал фишки по доске?

— Нет, но камень подсказал ход.

— Только один. Я так понимаю, мальчишка сделал все, чтобы расставить фишки нужным образом. Так какая разница, углядел он последний ход сам или с помощью кольца?

— О, Мардук и все небесное воинство! Щенок непременно проморгал бы «божественный трилистник» и сдал бы мне партию!

— Но этого не случилось. Проиграл ты.

Чернокожий Морта забавно хрюкнул и с удивлением уставился на своего капитана. Если Сам Али проиграл, это значит…

— Это значит — пуантенец получит золото, корабль и свободу, — сказал Амра.

И тут же обрушил мощный кулак на голову ближайшего пирата, заставив того проглотить слова, готовые сорваться с губ. Остальные сочли за благо сохранять молчание и не испытывать выносливость своих черепов.

Сам Али злобно глянул на варвара и пожал плечами.

Пожалуй, призови он команду «Белит» к неповиновению, еще посмотрели бы, чья возьмет. Но туранец был расчетлив и решил не испытывать судьбу. В конце концов, с варваром куда удобней разобраться на Барахских островах…

— Хорошо, — сказал он, — поступай, как хочешь. «Белит» — твой корабль, я же — всего лишь гость на его борту. Извини за вспышку гнева и не таи зла. Учти только, что зингарка, которую ты увел с собой на галеру, входит в число тех, кто был ставкой в игре.

— Плевать мне на зингарку, — сказал Амра, — бабу можно взять на любом пассажирском корабле или в порту. Приведите ее на «Ласточку» и пусть убираются.

С глухим ропотом корсары отправились в трюм освобождать пленников. Когда капитан Поулло узнал, что ему возвращают фазелу, груз, ценности и всех людей, он решил, что сошел с ума. Пока его выводили на палубу, капитан то плакал, то смеялся, то молился, то принимался поминать всех демонов преисподней порознь и скопом.

Представ пред очами грозного Амры, капитан хотел было встать на колени, но, вспомнив о гарзейской гордости, только поклонился и застыл, скрестив на груди руки.

— Сажай своих молодцев на весла и отчаливай, — сказал варвар, сплевывая на палубу. — Даю тебе время до заката, а там — игра начнется снова. И, даст Кром, она обойдется без дурацкой «мельницы».

— До заката! — просиял Поулло. — Да за это время мы доплывем до Северных морей!

И, спохватившись, добавил с поклоном:

— Благодарю вас, месьор капитан Амра, надеюсь, что наши старейшины позволят отныне вашему судну время от времени заходить на верфи Гарзеи.

— Пусть твои старейшины молят богов, чтобы «Белит» никогда не приближалась к вашему порту, — мрачно изрек корсар. — Иначе у них не останется ничего, даже воспоминаний. Скажи лучше спасибо ему, — Амра указал на туранца, — игрочишке хренову…

Смуглое лицо Али побледнело, но он сдержался и только махнул рукой кланяющемуся Кроче.

С палубы на капитанский мостик поднялся Морта, посланный на галеру за Эстразой. Зингарка шла с трудом, чернокожий поддерживал ее под руку. Увидев разорванное платье, ссадины и кровоподтеки на лице девушки, стоявший возле борта Лабардо бессильно сжал кулаки. Увы, варвар успел надругаться над его спутницей, и пуантенец испытывал сейчас бессильную ярость: у него не было ни оружия, ни сил, чтобы вызвать пирата на поединок и отомстить за честь дамы. Лабардо только кусал губы и клялся себе самыми страшными клятвами, что непременно убьет Амру, хотя и не мог представить, как осуществить сие праведное дело.

Корсары перебрались по доске на галеру, кто-то обрубил удерживающую фазелу веревку, и «Белая ласточка», подгоняемая дружными ударами весел, резво полетела прочь от черного пиратского судна. Ветра по-прежнему почти не было, но гребцы старались так, что фазела легко обогнала бы любой корабль, идущий под полными парусами. Сам Али, стоя возле заднего борта, провожал «Ласточку» тяжелым взглядом.

— Еще свидимся, — бормотал туранец, — я достану тебя, щенок…

— Кто-то недавно говорил о законах чести, — хмыкнул стоявший рядом Амра.

Красный Брат не успел ответить. Фазела отошла уже на три лиги, когда с вершины передней мачты «Белит» раздался крик дозорного:

— Лодки, капитан! Много лодок!

— Дерьмо Нергалье! Откуда в открытом море взялось столько тростниковых лодок?

— Может быть, рядом какой-нибудь остров?

— Али, ты сам ходил не раз в этих водах и знаешь, что на много лиг вокруг нет никакой земли. Барахские острова далеко к северо-западу.

— Здесь есть неизвестные течения, возможно, одно из них снесло галеру, пока мы… хм… пока происходили все эти события.

Лодки быстро приближались. Их было не менее трех дюжин — длинные, широкие тростниковые суденышки с высокими бортами, из-за которых виднелись головы гребцов.

— Что-то не так, — сказал Сам Али, внимательно вглядываясь в эту странную армаду. — Какие-то они маленькие…

— Лодки? — не понял Амра.

— Нет, гребцы.

Варвар глянул из-под руки на море и кивнул. Теперь он тоже отметил эту особенность: головы сидевших в лодках людей были не более кулака среднего мужчины.

— Детишки поплыли на прогулку, — пробормотал северянин. — А где же няньки?

— Посмотри чуть правее, — тихо сказал Али.

За лодками плыло необычное судно: тоже из тростника, с высоко загнутыми носом и кормой, но с мачтой, на которой надувался косой полосатый парус.

— Кром! — стукнул по перилам мостика кулаком Амра. — Какой ветер они ловят, хотел бы я знать?

В тот же миг свежая струя воздуха ударила им в лицо.

— Пора ставить паруса, — все так же тихо заметил туранец.

— Паруса? Ты что, собираешься удирать от этого выводка недоносков?

— Ты прав, это недоноски. Но я не стану завидовать тому, кто попадет им в руки. Это брагоны, Конан.

На сей раз капитан «Белит» пропустил мимо ушей свое настоящее имя. Он слышал о брагонах, но считал рассказы о них легендами, которые выдумывают трусы, дабы пугать друг друга в тавернах за кружкой кислой браги. Говорили, будто мелкоголовые многочисленны, как саранча, и совершенно не ведают страха.

Говорили также, что время от времени они нападают на мореходов со своих тростниковых лодок, тех, кто оказывает сопротивление, убивают без жалости, остальных уводят в плен, где в мрачных пещерах пьют из несчастных кровь. Еще говорили, что брагонов боятся даже Красные Братья, а командуют мелкоголовыми будто бы женщины.

Глядя на стремительно приближающиеся лодки, варвар вспоминал эти побасенки. Что ж, если брагоны на самом деле существуют, тем хуже для них.

— Эй, — крикнул он, перегнувшись через перила вниз, на палубу, — дети шакалов! Видите эти лодки? Ублюдки, которые в них сидят, собираются на нас напасть. Даю по десять монет за каждые сто отрезанных голов!

— Чего так мало? — прокричали с палубы.

— А ты глянь на те головы. Каждая не больше ореха, а мозгов, сказывают, внутри совсем нет. Так что резвись бесплатно.

— Я бы не стал этого делать, — проговорил сзади Сам Али, — можно не бояться тигра, но как ты станешь воевать с комарами?

— Вот так! — Варвар хлопнул ладонью по перилам, словно прикончил докучливое насекомое. И тут же отдернул руку: в дерево впилась маленькая, не более локтя длиной, но острая, как игла, стрела с зазубренным костяным наконечником.

Потом дождь этих стрел обрушился на палубу. Человек десять пиратов упали, оглашая воздух воплями: стрелы брагонов не могли бы причинить особого вреда крепким коренастым морякам с задубевшей на соленых ветрах кожей, но костяные наконечники, видимо, были пропитаны ядом, и все, кто получил даже легкую царапину, умерли быстро, не успев даже помолиться.

Морта мгновенно скрылся в капитанской каюте и тут же вернулся, протягивая Амре медный продолговатый щит с искусно выкованной львиной головой. Себе и туранцу

чернокожий прихватил щиты поменьше, круглые и выпуклые, как панцири черепах.

Пираты попадали вдоль бортов галеры, стараясь укрыться от летающей смерти. Однако брагоны были искусными стрелками: они дали навесной залп, и еще пяток корсаров отправились на Серые Равнины.

— Проклятие!

Прикрывшись щитом, Амра стоял на капитанском мостике, словно памятник на главной площади Кордавы. Но, в отличие от монумента, варвар обладал живой волей, не раз выручавшей его из самых безнадежных передряг.

— Вниз! — проорал он во всю силу легких. — Тупорылые свиньи, укройтесь на второй палубе и стреляйте в них зажженными стрелами!

Несколько человек поползли к люкам, и троим даже удалось скрыться внизу — семеро остались лежать на палубе. Остальные поднимали вдоль бортов окованные железными полосами щитки, за которыми можно было укрыться от выстрелов. Это, конечно, надо было сделать раньше, но кто же знал, что стрелы мелкоголовых бьют на такое расстояние, да еще столь метко!

Тем временем немногочисленные гребцы, предпочитавшие духоту второй палубы свежему воздуху верхней, очнулись ото сна и вместе со своими товарищами, спустившимися сверху, предприняли некие осмысленные действия. Несколько стрел с подожженной паклей на наконечниках просвистели в воздухе и вонзились в тростниковый борт ближней лодки.

Казалось, суденышко вспыхнет и сгорит, как пучок сухой травы. Однако лодка так и не занялась: вяло полизав борт, пламя угасло.

— Они пропитывают свои посудины специальным составом, — мрачно сказал Али, — прикажи не тратить попусту стрелы.

— Гребная команда, на весла! — скомандовал капитан «Белит» своим людям. — Мы пойдем на них и раздавим, как тараканов!

— О, боги, — простонал туранец, — лучше бы я остался в кордавской темнице…

Тем временем лодки приближались. Уже стали видны лица гребцов — сморщенные, как вяленые груши. На этих коричневых личиках тускло поблескивали маленькие острые глазки. Весла, просунутые сквозь круглые отверстия вдоль бортов, равномерно поднимались и опускались, вспенивая морские волны. С мостика галеры было видно, что все дно лодок между гребцами завалено какими-то тюками, прикрытыми грубой рогожей.

Команда «Белит» тем временем оправилась от смещения, вызванного неожиданным появлением противника. Корсары занимали места, готовясь к бою. Гребцы под прикрытием деревянных щитков пробрались к люкам, длинные тяжелые весла упали на воду, и пиратское судно заскользило по воде навстречу тростниковой армаде, словно жук-плавунец, готовый смести со своего пути ничтожных водомерок.

Однако черная галера была слишком неповоротлива: быстро набирая ход, в маневренности она значительно уступала вертким суденышкам, лишенным киля, — брагоны легко поворачивали свои лодки, уводя их в стороны от опасного, снабженного зазубренным бревном-тараном носа «Белит».

Пропустив корабль, мелкоголовые окружили его кольцом и стали приближаться. Со стороны тростникового парусника донесся протяжный звук: видно было, как предводительница недоносков трубит в большую раковину. По этому сигналу лодки ринулись к бортам галеры. Полетели веревки с костяными крючьями на концах — миг, и «Белит» была опутана ими, словно великан, пойманный карликами.

А потом на палубу хлынул настоящий поток мелкоголовых. Словно сонмища муравьев, они молча и быстро карабкались вверх по веревкам, переваливались через борта и растекались по палубе, разя направо и налево короткими копьями.

Пираты, привыкшие больше атаковать, чем обороняться, были буквально сметены этим бесшумным валом. Наконечники копий, как и стрелы, были пропитаны ядом, и малейший укол отправлял корсаров прямиком в пасть Нергала. Самым страшным было то, что брагоны нападали молча — ни боевых криков, ни предсмертных воплей, когда сабли защищавшихся косили их, словно траву…

Стоя на высокой корме, Амра видел, как гибнет его команда. Мелкие головы нападавших ввели его в заблуждение: он ждал, что брагоны окажутся настоящими недомерками, но нападавшие оказались вполне обычного роста, крепкими и мускулистыми — головы же были непропорционально малы и делали брагонов настоящими уродами.

И еще одно обстоятельство отметил капитан «Белит»: этим существам неведом был страх смерти. Они дрались бесстрастно, тела их, если не считать набедренных повязок, были обнажены и совершенно лишены защиты. Амра бывал в северных странах и видел ванов-берсеркеров, которые ходили в бой обнаженными. Но те, прежде чем вступить в битву, доводили себя до исступления и сражались, поглощенные всепобеждающей яростью. Ничего подобного не наблюдалось среди брагонов: лица их были бесстрастны, движения направлены лишь на то, чтобы поразить противника, — точные, выверенные движения. Они почти не делали попытки защититься, когда кривые сабли пиратов обрушивались на них, кромсая коричневые тела, отсекая головы и члены… Мелкоголовые десятками валились на палубу, заливая доски темной кровью, но на место каждого убитого становилось два новых бойца.

Рогожи в лодках откинулись, и стало видно, что скрывали они совсем не тюки. Там, на тростниковом дне, вповалку друг на друге лежали десятки мелкоголовых. По сигналу, долетевшему с главного корабля, они вскакивали и, хватаясь за веревки, ловко и быстро перебирались на палубу «Белит». А сзади подходили все новые и новые лодки…

— Я говорил тебе, северянин, что надо уходить, — раздался рядом хриплый, полный ужаса голос Али. — Теперь нам конец.

— Не каркай, — огрызнулся Амра. — На Серых Равнинах будешь каркать. Сдается мне, что эти безмозглые твари мало что будут стоить без своей предводительницы. Морта, спустись через мою каюту на нижнюю палубу, ступай на нос и попробуй подбить эту тростниковую лоханку из аркбалисты. Али, держи щит…

Туранец вдруг гикнул, его сабля молнией вылетела из украшенных драгоценными камнями ножен и со свистом описала сверкающий полукруг. Тело брагона, взобравшегося по веревке с кормы, полетело в воду, а маленькая, похожая на печеное, яблоко голова — на палубу.

Сам Али перерубил веревку и с отвращением вытолкнул голову между балясинами перил сафьяновой туфлей.

— Долго нам не продержаться, — сказал он, — это поистине саранча… Митра послал нам кару…

— Держи, — буркнул Амра, передавая туранцу медный щит с львиной головой.

Сам он, пригнувшись, почти ползком добрался до стоявшей в выемке на корме аркбалисты. Это была вторая метательная машина из двух, составлявших дальнобойное вооружение «Белит» — еще одна аркбалиста была расположена на носу. Морта уже исчез,

выполняя приказ капитана.

Амра захватил аркбалисты в порту города Фриско, внезапно напав на него ночью. Тогда его корсары уничтожили большую часть гарнизона и разграбили все близлежащие склады. Капитану понадобилось хорошо поработать кулаками, прежде чем ему удалось убедить своих людей захватить на борт, помимо бочек с вином, дорогих тканей и сундуков, еще и творения хитроумных зингарских механиков. Аркбалиста представляла собой квадратную деревянную раму с длинным, окованным изнутри медью желобом, открытым с одной стороны и оканчивающимся чем-то вроде огромного лука. Тетиву натягивали с помощью двух коловоротов, снабженных ручками. Освобождаясь, тетива толкала железный поршень внутри желоба, а тот в свою очередь — каменное или железное ядро. Такой снаряд мог пробить борт судна на расстоянии ста локтей. Колеса с машин за ненадобностью сняли. Аркбалиста, установленная на носу, служила для выстрелов по атакуемым купеческим кораблям, на корме — для того, чтобы отстреливаться от преследователей.

Амра ухватил тяжелое сооружение, проволок по доскам и развернул жерлом к палубе, на которой кипело побоище.

— Прикрой! — бросил он туранцу.

Али подхватил медный щит и стал так, чтобы отгородить капитана от нападавших, которые уже оттеснили пиратов к самому трапу, ведущему снизу на кормовое возвышение.

Амра положил в желоб тяжелое ядро, быстро крутанул ручки коловорота, потом, крякнув, приподнял аркбалисту так, чтобы жерло ее смотрело несколько вниз…

— Давай! — гаркнул он.

Сам Али ударил ногой по запору, удерживавшему натянутую тетиву.

С громким хлопком ядро вылетело из аркбалисты и врезалось в гущу дерущихся, проложив между ними широкую борозду. Раздались вопли и проклятия. Среди убитых оказались и пираты, но иного выхода у Амры не было: еще немного, и брагоны оказались бы на мостике.

Капитан кинул в желоб новый снаряд, отметив, что выстрел лишь на миг задержал натиск мелкоголовых. Место убитых тут же заняли новые ублюдки, а его людей оставалось все меньше и меньше.

Он успел выстрелить еще раз, когда хлопнуло на носу, и железное ядро со свистом понеслось к тростниковому кораблю. Первый же выстрел Морты достиг цели: снаряд ударил в плетеный борт, пробив в нем хорошую дыру. Тростниковый парусник качнулся, светловолосая женщина в сверкающих доспехах с трудом удержалась на ногах.

Второй залп чернокожего сбил вершину мачты — она упала, едва не задев воительницу.

Протяжный звук раковины поплыл над волнами. Мелкоголовые, так же бесстрастно, как и нападали, отступили к бортам и заскользили по веревкам в свои лодки. Уцелевшие пираты не осмеливались их преследовать, опасаясь отравленных наконечников. Лишь трем наиболее отчаянным удалось прикончить несколько врагов, не успевших покинуть борт галеры.

Веревочная паутина отпустила «Белит», лодки стали быстро удаляться. Раковина на тростниковом корабле протрубила еще раз, парусник сделал левый полуповорот и двинулся в ту сторону, куда ушла «Белая ласточка». Суденышки брагонов потянулись за ним следом.

— Проклятие, — Амра бросил аркбалисту и оглядел залитую кровью палубу. — Почему Морта не стреляет? Они уйдут!

Он наклонился к раструбу медной трубки, соединявшей мостик с гребной палубой, и гаркнул:

— Право на борт! Идем за ублюдками!

— Мы не сможем этого сделать, — сказал Али, — посмотри.

Нагнувшись над перилами, он что-то рассматривал за бортом. Амра взглянул — там плавали обломки весел.

— Кром и Мардук! Как они это сделались

— Перепилили, а может быть, перегрызли — какая разница? Во всяком случае, на веслах идти мы не можем.

— Тогда поставим парус!

Амра спрыгнул с кормы на палубу и, оскальзываясь босыми ногами в лужах крови, побежал на нос, отдавая на ходу приказы. Немногочисленные уцелевшие матросы кинулись поднимать парус. На носовом возвышении возле аркбалисты лежал Морта. Из его груди торчал короткий дротик, в широко открытых глазах отражались плавающие в небе чайки.

Амра опустил чернокожему веки, выпрямился и глянул на горизонт. Армада брагонов быстро удалялась: лодки превратились в едва различимые точки, тростниковый парусник казался лепестком, плавающим в суповой миске.

Матросы подняли парус, но, вместо того чтобы повернуть и устремиться в погоню за мелкоголовыми, «Белит» набрала ход и заскользила в противоположном направлении: не то ветер успел измениться, не то здесь было два воздушных течения.

Амра вернулся на корму. Али стоял возле борта и печально смотрел за корму, на тающие в дали тростниковые лодки.

— Дерьмо Нергалье, — пробурчал Амра, берясь за рукоять рулевого весла, — ветер сменился. Попробуем идти галсами.

— Брось, киммериец, — откликнулся Али. — Это не простой ветер. Мы бессильны. Все в руках богов.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда капитан «Белит» оставил попытки управлять судном. Галеру стремительно влекло куда-то на запад.

Они с туранцем успели выпить по кувшину вина, когда крик дозорного возвестил о приближении неведомого берега.

Глава четвертая

КОЛОДЕЦ СМЕРТИ

— Ты болтал о преисподней, но, кажется, нас занесло прямиком в Сады Изиды!

Амра взъерошил светлые волосы девушки, чья прелестная головка лежала у него на коленях. Ласковые блики утреннего солнца играли на ее бархатной коже, покрытой тончайшим золотистым пушком. Не открывая глаз, девушка улыбнулась и потянулась в блаженной истоме.

— Не станем размягчаться, словно воск у жаровни, — откликнулся Сам Али.

Туранец развалился на шелковых подушках в обнимку с тремя нагими туземками. Он выбрал себе самых пухленьких, хотя и они, на его взгляд, были тощеваты. Амра только хмыкнул, услышав, как Али безуспешно пытался выведать, чем кормят на острове. Девушки только улыбались да посмеивались — либо не понимали языки, которыми Али владел, либо

просто сохраняли обет молчания.

— Дюжина моих головорезов караулит поляну, — лениво молвил Амра. — Эти парни из тех, кто в веселых домах больше пьют, чем отлучаются с девицами в комнаты. Ха, выпивка сейчас не помешала бы!

— И жирный кебаб в придачу, — добавил туранец.

В остальном же все было хорошо. Даже слишком хорошо. Амра о сем помнил и вовсе не таял, «как воск у жаровни». Здесь, на поляне, окруженной стройными деревьями с легкой, как пух, листвой, он принимал нежданный подарок, но оставался начеку. Ласковый ветерок приносил запахи джунглей, пьянящие не хуже доброго вина, и ласки женщин были изысканны и томны, словно в предутреннем сне, но чутье варвара ни на миг не покидало его. Двенадцать корсаров, оставшихся в живых после резни на палубе «Белит», быстро насладились туземками и отправились нести караул, пока их капитан и Красный Брат, более искушенные в любовных утехах, продолжали вкушать наслаждения под высоким утренним небом,

Впрочем, Амра сильно сомневался, что его головорезы смогли сполна оценить неожиданное приключение. В них еще сидел ужас вчерашнего, и ночь, проведенная на борту галеры в тревожном ожидании, не вернула пиратам всегдашней самоуверенности.

Вчера в сумерках «Белит» вошла в бухту неведомого острова и, ткнувшись носом в песчаную отмель, застыла под темной сенью густых прибрежных зарослей. Парус был давно спущен, от весел остались только огрызки ручек, и все же судно непрестанно двигалось вперед, увлекаемое не то течением, не то колдовством, Обе аркбалисты капитан приказал установить на носу — он ожидал, что как только «Белит» подойдет к берегу, брагоны предпримут новую атаку.

Но все было спокойно, никто не собирался на них нападать. Из-за стены джунглей доносились только шорохи ночных летунов и редкие крики обезьян. Амра решил, что птицы выдадут любое приближение к узкой полоске песка, отделявшей деревья от воды, выставил караулы и приказал команде делать новые весла. Всю ночь при свете костров кипела работа, и с первыми лучами солнца они попытались отплыть.

Но все усилия оказались тщетными. Неведомая сила, приведшая «Белит» к чужим берегам, не позволила выйти из бухты, как ни старались пираты. Источник ее скрывался где-то за деревьями, и капитан решил предпринять вылазку.

Из сотни отъявленных головорезов в его распоряжении осталось двадцать человек. Амра оставил восьмерых на судне, а сам вместе с остальными и туранцем Али, вооружившись и прихватив все щиты, которые оказались на борту, углубился в прохладную тень южного леса.

Они шли, вдыхая пьянящий, напоенный незнакомыми ароматами воздух, под широкими, как зонты великанов, кронами. Заросли папоротников, все еще усеянные ночной росой, высились по обеим сторонам едва различимой тропы. От земли поднимался прозрачный пар, слегка рябивший очертания кустов и деревьев. День был безоблачным, солнечный свет широкими снопами падал сквозь листья. Жужжание, пощелкивание, щебет и клекот тысяч мелких созданий наполняли лес. Иногда среди ветвей мелькала яркая, как кошачий глаз, и огромная, как женская шляпа, бабочка, или перебегал тропу полосатый зверек, поблескивая зелеными бусинами глаз, или, шурша крыльями, пролетала стрекоза… Ничего угрожающего не чувствовалось вокруг, и все же люди ступали настороженно, крепко сжимая в руках оружие.

Потом лес расступился, и они оказались на прогалине, запертой с противоположной

стороны огромной желтоватой стеной. Между опушкой леса и стеной лежали десятки поверженных статуй.

Это были изображения воинов в древнем боевом облачении, вырубленные из желтого песчаника. Они глубоко ушли в землю, их мощные каменные тела оплетали ползучие травы, лица, словно глубокие морщины, покрывали трещины, а руки, сжимавшие каменные мечи, у многих лежали отдельно, словно срубленные неведомыми врагами-великанами.

Мрачным величием веяло от этого места. Пираты было попятились, но Амра приказал идти вперед — туда, где в основании стены виднелись какие-то сооружения.

Пройдя между обломками статуй, они вскоре достигли выстланной гранитными плитами площадки локтей двадцати в ширину и около сотни в длину. По обеим ее сторонам высились два каменных истукана, до макушек которых не докинул бы камень и самый резвый из корсаров.

Сделанные из того же песчаника истуканы являли собой изображения двух совершенно одинаковых существ с птичьими головами. Длинный клюв левой статуи был отколот и лежал возле ее ног. Между этими безмолвными древними стражами обнаружилась огромная каменная дверь, почти слившаяся со скалой, проход в недра которой, очевидно, прикрывала. Щель между створками едва виднелась и густо поросла мхом и мелкими кустиками, а на створках, вытертые ветрами и непогодой, виднелись плохо различимые барельефы.

— Кажется, там какие-то буквы, — сказал Амра, закинув голову и разглядывая из-под руки каменный карниз высоко над дверью.

— Да, — кивнул Али, — эта надпись сделана по-стигийски. Она гласит: «Уходи. Эта дверь не для тебя».

— Ты и стигийский знаешь? — подозрительно глянул на него северянин.

— Не всегда я был пиратом, — пожал плечами туранец,

В это время среди корсаров поднялся невнятный ропот.

Отступив назад, они что-то разглядывали на стене, подталкивая друг друга локтями, похохатывая и переругиваясь.

— Похоже на бордель, — сказал один.

— Больше на преисподнюю, — возразил другой, — смотри, это же змеи!

Теперь Амра тоже разглядел высеченные на стене изображения. Как и барельефы на створках, они были почти стерты временем и стихиями, но все же можно было различить огромные фигуры мужчин и женщин, сплетенные в каком-то неистовом оргиастическом танце. Были среди них и животные, и, похоже, боги или демоны, и все эти существа, низшие и высшие, находились в непрестанном и самом причудливом совокуплении друг с другом. Словно чудовищными лианами их изображения были перевиты длинными, извивающимися змеиными телами.

— Уйдем отсюда, — негромко сказал Али.

— Что ж, — сплюнул капитан, — не станем ломиться в закрытую дверь.

Они двинулись вдоль стены, которая вскоре превратилась в обычную скалу — чем дальше, тем все более пологую, так что через несколько сотен шагов она окончательно исчезла, и лес снова окружил путников.

Им встретились еще несколько построек — не такие величественные, но столь же заброшенные, почти скрытые зарослями. Были здесь и остатки каких-то павильонов, и нечто похожее на гробницу из голубого базальта, и просто когда-то гладко отшлифованные, а ныне все в выщербинах и трещинах плиты, глубоко утонувшие в земле.

Остров производил впечатление всеми покинутого и забытого места. О чем Амра и сказал туранцу, предположив, что тот ошибся, и течение занесло их галеру не на остров мелкоголовых ублюдков, а куда-то в другое место.

Али покачал головой. Он собирался что-то ответить, когда раздался свист высланных вперед дозорных, означавший, что те заметили нечто более интересное, чем древние камни.

Рассыпавшись среди кустов, пираты двинулись вперед короткими перебежками и вскоре достигли края поляны, сплошь поросшей душистыми яркими цветами. Поляна сбегала вниз, и в сотне шагов от зарослей виднелся большой квадратный пруд, полный чистой зеленоватой воды и обнесенный оградой из розовых базальтовых плит. На четырех углах водоема высились витые каменные столбы локтей десяти высотой, увенчанные большими полупрозрачными шарами. Но самым удивительным был не этот бассейн и не эти шары из сверкающего на солнце кварца, самое удивительное зрелище было там, в ласковой, пронизанной солнечным светом воде.

Притаившись за кустами, пираты смотрели, не в силах поверить своим глазам. Самые прекрасные женщины, которых им приходилось когда-либо видеть, весело плескались в бассейне, обнаженные и беззащитные. Их гибкие тела блестели под солнцем не хуже кварцевых шаров, но, в отличие от украшений витых колонн, были живыми, теплыми и манящими.

— Капитан, — хрипло прошептал один из головорезов, — нам посылает их Митра! Прикажи, и мы возьмем их, капитан…

— Это ловушка, — сказал Али, — мы все погибнем.

— А если будем сидеть по кустам, то брагоны оставят нам наши шкуры, так, что ли? — огрызнулся Амра.

— Что ты предлагаешь?

— Не гневить Митру. Он создал женщину для определенных целей. И если это засада, я хочу посмотреть на тех, кто ее устроил!

Прикрываясь щитами и держа наготове сабли, отряд вышел из кустов и осторожно двинулся к бассейну.

Их заметили. Десятки прекрасных лиц обернулись в их сторону. Женщины стояли по колено в воде, совершенно не смущаясь своей наготы и не пытаясь убежать.

И это было странно, очень странно.

Амра приказал людям обшарить ближайшие заросли, сам же решил поговорить с туземками. Туранец знал множество языков, и эта задача не казалась такой уж трудной.

Но все вышло по-иному. Обитательницы острова, улыбаясь, вышли им навстречу, но никто из них не произнес ни слова, как ни старался Али. А когда вернулись пираты, не обнаружившие вокруг ничего подозрительного, произошло и вовсе необъяснимое: все женщины опустились на колени и простерли к свирепым морским разбойникам тонкие руки, как бы умоляя немедленно овладеть ими и вкусить всю сладость совместного греха.

Ничто больше не могло удержать изголодавшихся мужчин: побросав оружие, они устремились вперед, и бешеный вихрь наслаждений увлек их на вершины блаженства…

Это было какое-то умопомешательство. На неведомо откуда взявшихся подушках и просто на траве закипали скоротечные и жаркие любовные схватки. Туземок было гораздо больше, чем пришельцев, так что каждому корсару досталось по две, а то и по три женщины. И все они были настоящими искусницами в любви: грубые мореходы, привыкшие к незамысловатым ласкам портовых шлюх и жалобным стонам жертв с пассажирских

кораблей, были повергнуты и преданы закланию. Все они быстро утомились и отправились в караул, повинуясь грозному окрику капитана. Северянин же и туранец оказались более достойными нежданного дара — первый в силу поистине варварской неутомимости, второй — свойственной Востоку искушенности в подобных играх.

И все же силы их были не беспредельны. Сейчас они лежали утомленные в обществе своих женщин, а остальные туземки снова со смехом и звонкими криками плескались в бассейне, словно забыв о недавней оргии. Амра и Али чувствовали, как смыкаются веки, и жалели только о том, что прекрасные хозяйки острова не удосужились подумать о выпивке и съестном.

— Эй, — позвал туранец варвара, — не спи, киммериец.

— Ты откуда узнал мое настоящее имя? — спросил тот, кого все называли Амрой.

Сам Али тоненько рассмеялся.

— Уж не думаешь ли ты, северянин, что можешь скрыть что-либо от Красных Братьев?

— Мне все равно. Хочешь, зови меня Конаном, хотя мне хочется забыть это имя. Для здешних людишек я — Амра, что значит лев.

— Думаю, ты недолго им останешься.

— Это еще что значит?

— Чувствую в тебе родственную душу. Мне тоже иногда надоедает море.

— Родственную душу? Да ты хоть сейчас готов отправить ее на Серые Равнины. Разве не так, Красный Брат? Я понял это вчера, когда освободил пленников.

— Почему ты это сделал?

— Потому что ты хотел их убить. Посули ты им свободу, я приказал бы бросить всех на корм акулам.

— Ты молод, киммериец, — вздохнул Али. — Молод и горяч. Не стану скрывать — мы с тобой не друзья, но я отдаю тебе дань уважения.

Варвар не успел ответить — из-за кустов вдруг раздалась негромкая мелодичная музыка, и на поляну выступила танцовщица.

Квадратный кусок переливчатого шелка, накинутый на ее смуглые плечи, был перехвачен на бедрах узорчатым поясом. Высокие брови густо подведены сажей, щеки подрумянены, в ушах покачивались тяжелые халцедоновые серьги. Черные шальвары, струившиеся вдоль стройных ног, вышиты золотой нитью. Она шла, легко ступая туфельками из пуха неведомой птицы. Ноги девушки переступали одна перед другой под ритм неведомо откуда льющейся музыки. Плавными движениями рук она словно манила кого-то, звала к себе. Она словно летела по воздуху за тем, кто ускользал от нее, из ее тонких прекрасных рук, кто не хотел приблизиться…

Долго ли продолжался этот чарующий танец — Конан не мог себе ответить. Когда он снова пришел в себя, посреди поляны в окружении кряжистых мелкоголовых брагонов стояла другая женщина: светловолосая, облаченная в сверкающую броню, со щитом и копьем в руках. Варвар хотел поднять меч, но воительница сделала предостерегающий властный жест и заговорила по-зингарски, но со странным выговором:

— Оставь свое оружие, пришелец. Оно тебе не поможет, как и твои спутники. Еще скажу: оно тебе не нужно. Ты — гость.

— Что ты сделала с моими людьми? — Конан уже был на ногах.

— Они спят. Пока спят. Их дальнейшая судьба зависит от тебя.

— И что я должен сделать?

— Для начала — отправиться со мной. Добровольно.

— Похоже, у нас нет выбора, — проворчал варвар.

Сам Али только кивнул, соглашаясь с этой очевидной истиной.

* * *

— Почему? — спросил Конан.

— Таков обычай, — отвечала Дана.

— Но почему с Али?

— Только вы двое выдержали Испытание Любовными Играми. Остальные оказались слабы. Нашей царице нужен настоящий муж.

Их разлучили сразу же, как только привели в Скальный Дворец. Людей Амры, усыпленных летающими иглами, везли на повозках, запряженных маленькими белыми мулами.

Светловолосую женщину в золотых доспехах звали Даной. Она легко вышагивала впереди процессии, привычно неся свой щит и копье, ее сильные ноги, обутые в легкие сандалии, уверенно ступали по камням. Говорила она скупо, и все же Конану и туранцу открылась если не вся, то часть тайны острова брагонов.

Властвовали здесь женщины — наследницы некогда великой, а ныне угасшей и забытой цивилизации, остатки которой еще можно было встретить в стигийских землях.

Жили они в древних постройках, жили, предаваясь удовольствиям и забавам, среди которых были и воинские игрища. Те, кто имел склонность к оным и выказывал умение в ратном деле, становились начальницами брагонов — несчастных, почти лишенных мозга особей мужского пола, которые исполняли роль рабов и воинов.

В брагонов обращали пленных. Как — осталось неясным.

Но, прежде чем стать бессловесными рабами, пленные получали последний в жизни подарок: прекрасные туземки вступали с ними в любовную связь, дабы продолжить род.

Если рождалась девочка — она занимала свое место среди избранных, мальчика ждала участь всех мужчин, попадавших на остров.

— Вам двоим нечего опасаться, — сказала Дана, заметив, как вытянулись лица туранца и северянина. — Я сказала — вы гости.

Но это оказалось не совсем так.

Их привели к огромной скале, возвышавшейся над берегом моря. В отвесной стене оказалась дверь, похожая на ту, которую они видели возле поляны каменных воинов, только более ухоженная: барельефы, изображавшие птицеголовых богов, отчетливо выступали на ее створках, а ступени, ведущие ко входу, были выстланы красными, голубыми и желтыми плитами. В превратной комнате Дана велела им оставить оружие. Мужчины переглянулись. Любая схватка здесь стала бы для них роковой: два десятка брагонов держали наготове отравленные пики, готовые пустить их в ход по малейшему знаку светловолосой хозяйки. Конан отдал свой меч, Али отстегнул саблю.

Их развели по разным помещениям.

— Я приду, — кивнула Дана северянину. — Тебя подготовят.

Памятуя о том, что произошло возле розового бассейна, Конан истолковал ее слова в самом приятном для себя смысле. Возможно, воительница тоже не прочь была продлить свой

род. Если так — он готов ее не разочаровать.

Двое брагонов раздели его и с тщанием вымыли в небольшом бассейне. Потом, уложив на жесткую подстилку, принялись мять бока и спину. Конан предпочел бы, чтобы это проделывали юные банщицы, как, например, в купальнях Аграпура, но он вынужден был признать, что мелкоголовые справлялись со своим делом превосходно.

Его натерли приятно пахнущим маслом, после чего уложили на живот и принялись заплетать волосы. Тогда и появилась Дана, но совсем не затем, чего ожидал киммериец.

Воительница явилась в клубах ароматного пара, витающих над большим блюдом вареного мяса, которое тащил за ней уродливый карлик в красном колпаке. Блюдо водрузили на круглый стол, и киммериец, не евший с раннего утра, принялся подкрепляться. Мясо оказалось без соли, зато вино в золотом кувшине — превосходным.

Пока он ел, Дана говорила. И чем дальше, тем медленнее двигались челюсти варвара. Наконец он застыл, уставившись на туземку тяжелым взглядом.

Вместо ожидаемой любовной схватки ему предстояла настоящая драка. И не с кем-нибудь, а с туранцем. Это не входило в планы Конана: Красные Братья держали под рукой все Западное море, и если слух о том, что Амра расправился с преемником самого Карбаросса достигнет их душей, весь барахский флот выйдет на поиски «Белит».

И еще перспектива стать наместником бабьего царства. Одно дело — королем, об этом можно подумать, но быть под венцом с какой-то безумицей, превращающей мужчин в безмозглых животных… Такое могло привидеться только в кошмарном сне.

Киммериец сделал большой глоток из золотого горлышка и отшвырнул кувшин.

— Мой ответ будет — нет.

— Тогда ты станешь таким же, как они. — Дана кивнула на безмолвно застывших поодаль мелкоголовых банщиков.

Конан с трудом подавил желание схватить женщину за горло. Это была бы верная смерть, но, может быть, лучше умереть сразу от яда, чем потешать туземок, сражаясь с туранцем? Мысль мелькнула и погасла, уступив место холодному расчету. За годы странствий он научился подавлять ярость, и это не раз спасало ему жизнь. Что ж, когда-то он был гладиатором в Гиперборее, стране колдунов, и дрался на потеху публике. Он сумел бежать из Халоги, города-замка, сумеет вырваться и отсюда.

— Твои слова убедительны, — сказал он. — Но хороша ли невеста?

— Она затмевает солнце, — бесстрастно ответила Дана.

— Значит, чтобы стать ее мужем, я должен убить соперника?

— Да. Бросить в Колодец Смерти.

— Каким оружием мы будем драться?

— У вас не будет оружия.

— Но туранец слабее меня. Это будет не поединок, а убийство.

— Значит, такова его судьба.

Коротко и веско.

Ему выдали льняной борцовский фартук, и в сопровождении безмолвной охраны Конан направился по длинному сводчатому коридору навстречу судьбе.

Арена, на которой предстояло быть поединку, представляла хорошо утоптанную площадку шагов пятидесяти в ширину. Посреди, окруженная низким каменным бортиком, зияла черная пасть колодца. Широкая лестница полукругом поднималась вверх от арены, и на ее ступенях, словно сказочные цветы на террасах, пестрели одеяния женщин. Сверкали на

солнце шитые золотом оборки, драгоценные камни на туфлях, заколки в волосах, ветер доносил голоса, легкие, как перезвон хрустальных подвесок.

Дана ждала борцов посреди арены с золотым кубком в руках. Али появился из темного отверстия на противоположном конце. Туранец был худ и жилист, под кожей, словно корабельные канаты, ходили сухие мускулы. Он напоминал пантеру, решившую потягаться со львом, и киммериец сразу понял, что исход поединка отнюдь не предрешен.

Он принял из рук Даны кубок, нагретый солнцем, и пригубил терпкий напиток. Потом, повинуясь ее знаку, передал кубок Али. Туранец отпил и вытер губы, не отводя серых глаз от соперника.

— Да пребудет с вами великий Пта, — сказала Дана, нараспев, — да осенит он крылами того, кто достоин. Начинайте.

— А что, ваша царица среди зрителей? — спросил варвар, поглядывая в сторону лестницы. Он привык начинать, когда считал нужным, а не когда ему указывали.

— Нет. Победителя отведут к ней после схватки.

— Видать, нервная женщина… Ладно, Красный Брат, ты хотел со мной посчитаться, так вот тебе случай. Только пусть потом не болтают, что я убил тебя из-за какой-то бабы…

— Ты помолился своему Крому? — ухмыльнулся Али. — Если нет — зря, ибо я собираюсь избавить Западное море от молокососа, возомнившего себя великим корсаром.

— Только не обделайся, — буркнул киммериец и прыгнул, стараясь обхватить туранца вокруг торса.

Али легко ушел от захвата, нырнув под руку Конана. Тот резко обернулся, стараясь, чтобы соперник не оказался за спиной. Мягко ступая полусогнутыми ногами, туранец пошел по кругу, стремясь поставить варвара против солнца.

Он был опытный боец, и это чувствовалось по каждому его движению, уверенному, несуетливому, расчетливому. Он напоминал кошку, готовую к прыжку, опасную кошку.

Чутье подсказывало варвару, что туранец хорошо знает, куда нужно нанести удар. Самого сильного человека можно свалить, ударив в определенную точку на теле, и Конан не раз видел, как щуплые с первого взгляда бойцы заваливали настоящих великанов. Он настороженно кружил по арене, следя за соперником. Сделай он захват, и туранцу придет конец, но для этого нужно было заставить Али ошибиться.

Туранец вдруг крутнулся на пятках, подпрыгнул и, сложив пальцы замком, направил удар в голову варвара. От удара надо было уходить вправо, но Конан, повинуясь чутью, бросился в противоположную сторону. И хорошо сделал — пятка Али уже была в том месте, где должен был оказаться живот соперника. Туранец не удержался на ногах и опрокинулся навзничь. Конан бросился на него, не прямо, а чуть в сторону, чтобы тот не мог защититься ногами, стараясь захватить голову… Но Али оказался проворнее: он перекатился по земле, успев-таки вскользь лягнуть варвара в бедро. Ударил сильно, словно лошадь копытом.

Ярость на миг захлестнула киммерийца, он сделал неверное движение и получил еще один удар — в челюсть. Рот наполнился соленым вкусом крови, Конан пригнулся, отступив на пару шагов — к колодцу.

На лестнице словно разбились сотни зеркал — женщины криками подбадривали удачливого бойца. Голоса накатывались на арену, словно волны, несущие тучи мелкой гальки… Или это звенело в ушах после удара?

Али решил закрепить успех. Он прыгнул вперед и схватил киммерийца за шею, ударив коленом в пах. Превозмогая боль, Конан сомкнул руки у него за спиной и сжал жилистое

тело так, что у соперника затрещали кости. И все же туранец не ослабил хватку: пальцы у него были словно из железа, они давили клещами, стараясь пережать набрякшие вены, по которым толчками поднималась от сердца кровь. Красный туман поплыл перед глазами варвара, и тогда Али ударил его головой в верхнюю губу. Конан опрокинулся навзничь, и его голова повисла над краем колодца. Оттуда, снизу, несло смрадом и гнилью — смертью…

— Умри, умри, — хрипел туранец, задыхаясь в объятиях варвара, но, не разжимая пальцы, — тебе конец…

Его огромный нос нависал, словно клюв хищной птицы, в маленьких серых глазах метались безумные искры.

Чувствуя, что мрак готов окутать его сознание, Конан разжал руки и ребрами ладоней ударил Красного Брата по спине. Али охнул, широко разинув тонкогубый рот, пальцы его разжались, тело обмякло. Конан отбросил его ногой и, пока туранец еще был оглушен падением, прыгнул на него, перевернул и заломил руку за спину.

Али лежал лицом вниз, тонко постанывая, — он был теперь беспомощен, как ягненок на заклании. Одно движение — и Конан сломал бы ему кости, но он не стал этого делать. Наклонившись к уху поверженного, шепнул:

— Ты готов?

Краем глаза он видел, как поднялись женщины на ступенях. Одно слово на непонятном языке неслось в воздухе, и Конан понял, что это слово — «убей».

— Только быстрее, — прохрипел Али.

— Скажи Нергалу, что я не виноват в твоей смерти. На то была воля богов.

Он поднял туранца, ухватив поперек туловища, поднял над головой и понес к колодцу. Глубокий вздох несся ему вслед.

У колодца варвар остановился.

— Прощай, — сказал он Али.

— Еще свидимся, — выдохнул туранец.

Тело его мелькнуло в воздухе и исчезло в черной дыре. Конан ждал удара или плеска, но ничего не услышал. Когда он обернулся к лестнице, она уже почти опустела.

Глава пятая

ПРЕРВАННЫЙ ПИР

Сначала процессия миновала величественные ворота, похожие на каменную гору, на вершине которой переливался на солнце огромной хрустальный шар.

Из пышной листвы деревьев, растущих у подножия этого древнего сооружения, выступали каменные головы чудовищ с выпученными глазами и широко открытыми пастями. По бокам ворот высились идолы-стражи — самый высокий человек был им всего по колено. Левое изваяние изображало мужскую фигуру с волчьей головой в короне из золотых лучей.

В правой руке фигура сжимала жезл из нефрита, овитый крылатым змеем с оскаленной пастью. Справа возвышался женский идол с длинноклювой головой ибиса в маленькой желтой шапочке. Одна грудь статуи была обнажена, в руках — короткое копье с алым наконечником.

Над открытыми створками ворот виднелось изображение двух переплетенных квадратов, образующих восьмиконечную фигуру, а из центра ее смотрел куда-то вдаль огромный каменный глаз.

За воротами лежала прямая широкая дорога, вымощенная белыми плитами и обсаженная стройными кипарисами. Темные листья покачивал ветер. Между деревьями виднелись статуи странных существ: человеческие фигуры с головами зверей и птиц, крылатые львы, птицы с женскими лицами… А за этими двумя рядами камней и растений теснились многочисленные постройки: ротонды, беседки и дома из желтого, розового, зеленого и зернистого с прожилками мрамора. Строения тянулись вдоль ложбин, взбегали на пологие холмы, тонули в море зелени. Фронтоны домов украшали пышные барельефы, стены срастались арками, и повсюду виднелись остроконечные стройные обелиски, указывающие в синее безоблачное небо.

И нигде — ни души. Строения были ухожены, и дорожки перед ними посыпаны мелким желтым песком, но, казалось, века миновали с тех пор, как по ним ступала человеческая нога. Среди этого великолепия тяжело плавал густой, насыщенный ароматами цветов воздух — словно вязкая патока среди марципанов, украшающих чудовищный, пышный и приторно-сладкий торт.

Сидя в золотых носилках, которые несли на голых плечах шестеро мускулистых брагонов, Конан с удивлением поглядывал по сторонам. Царство женщин казалось ему нереальным, словно картина, на которую подвыпивший художник бросил слишком густые мазки. Было жарко, пот катил по щекам, и варвар утирал его с недоумением: обычно он умел отлично приспосабливаться к любому климату и чувствовал себя уверенно и в ледяных полях Асгарда, и в душных джунглях Черных Королевств.

Далеко впереди сверкал на солнце золотой шлем Даны: туземка вышагивала впереди отряда брагонов, казалось, жара нисколько не беспокоит белокурую воительницу. Шеренга мелкоголовых с копьями на плечах безучастно топала за своей предводительницей, тяжело опуская ноги в пыльных сандалиях на белые плиты дороги.

За брагонами шли женщины, похожие на оживший цветник. Они приплясывали в такт легкой музыке, покачивали смуглыми плечами — браслеты и подвески их легонько позванивали.

Музыкантши с кифарами, лютнями, флейтами и бубнами двигались следом. А за ними, потные, безоружные и растерянные, тащились, настороженно озираясь по сторонам, двенадцать корсаров — команда «Белит». Выиграв состязание и, отправив Али в черную пасть колодца, Конан получил заверение Даны, что пираты поступают в его распоряжение, и он волен делать со своими людьми что хочет. Очнувшиеся ото сна, вызванного летающими иглами брагонов, головорезы все еще не пришли в себя и то и дело оборачивались на своего капитана, как бы желая удостовериться, что все происходящее — явь и они еще живы.

Киммериец и сам бы не поручился за реальность всей этой фантасмагории. Не часто случалось ему подчиняться обстоятельствам и чувствовать себя беспомощным пловцом, которого подхватил и влечет неведомо куда мощный поток. Мутная волна подкатывалась от желудка к горлу, и все же он знал, что поток не будет нести его вечно, что впереди обязательно возникнет заводь или боковая протока, которой можно будет воспользоваться, чтобы снова обрести твердую почву под ногами…

Впереди сквозь знойное марево проступили желтые стены большого дворца. Дорога упиралась в широкую террасу, на которой стояли какие-то люди.

Когда процессия приблизилась, Конан понял, что это мужчины. Сухопарые, с костистыми лицами, одетые лишь в короткие широкие юбки из какой-то плотной красно-синей материи, они стояли двумя шеренгами, тянущимися от квадратного входа вниз, к первым ступеням террасы.

Руки скрещены на груди, лица бесстрастны, глаза прикрыты набрякшими веками.

И — они не были брагонами.

Бритые головы — обычных средних размеров, из-под век временами поблескивал живой острый взгляд. Когда носилки проносили по ступеням, Конан ощутил сильный запах мускуса и еще чего-то непонятного, вызывающего тревогу.

Дворец был четырехугольным, внутри — большой открытый двор с круглым бассейном, посреди которого бил высокий фонтан. Собственно, все строение представляло собой квадратную в плане колоннаду, под кровом которой располагались постройки поменьше, снабженные собственными крышами. Между ними высились статуи, обратившие к фонтану свои звериные, птичьи и рыбьи физиономии. Завидев эти порядком надоевшие лики, Конан только хмыкнул: ему было непонятно, зачем тратить камень на столь однообразные изображения, Когда носилки вынесли из-под колоннады во внутренний двор, толпа женщин, смешавшаяся с теми, кто только что прибыл, приветствовала победителя радостными криками. Его засыпали цветами, многие из которых больно кололи кожу шипами. Киммериец вяло помахал рукой и полез наружу. Он сразу приметил многочисленные низкие столики, уставленные блюдами и разнообразными сосудами, и это несколько примирило его с судьбой. Туземки окружали его плотным кольцом, их полные, похожие на бархатистые персики груди трепетали под тонкой полупрозрачной тканью одеяний, но женщин было слишком много, от них несло жаром, словно из недр южного леса, и сквозь заливавший глаза пот варвар едва мог рассмотреть их лица… Больше всего хотелось пить.

Только оказавшись на мягких подушках возле круглого малахитового столика, Конан перевел дух. Проклятие! Если Сады Изиды похожи на это место, он предпочтет Серые Равнины. Там, говорят иные, холодно, как в погребе.

Восторженно поглядывая на виновника торжества, туземки разбрелись по двору, занимая места на ложах.

Появились прислужницы в коротких фартучках, составлявших все их одеяние. Плавно скользя по гладким плитам, они принялись разносить фрукты и снедь, природу которой варвар определить не смог, даже когда еда оказалась на его блюде. Она напоминала желе, подаваемое в некоторых особо изысканных домах Зингары, только более разнообразное по форме и окраске: от янтарно-желтых звезд и кружочков до шариков темно-синего цвета. Конан предпочел бы добрую телячью лопатку, но, отправив в рот кушанье, вынужден был признать, что оно приятно и сытно. В качестве местного вина он уже имел возможность убедиться — шипучая жидкость в кувшинах оказалась не хуже.

Кто-то опустился на подушки рядом. Подняв глаза от чаши, киммериец с некоторым удивлением признал в женщине воительницу Дану — без шлема, панциря и оружия она выглядела куда более привлекательной.

— Выпей. — Он протянул ей чашу.

Туземка приняла ее и с видимым удовольствием сделала пару глотков.

— Свадебный пир начался?

Она кивнула.

— И где же невеста?

— Появится в свое время.

Некоторое время они молчали, занятые едой. Вино вернуло киммерийцу спокойное расположение духа, он с любопытством поглядывал по сторонам. Среди столиков бродили пятнистые леопарды и тонконогие косули. Они подходили к людям и брали угощение с рук.

— Леопарды не трогают косуль, — кивнул на них варвар.

— На острове нет вражды, — отвечала Дана.

— А Колодец Смерти?

— Им пользуются редко, очень редко.

— Не верю, чтобы женщины не ссорились между собой. Такого не бывает.

— Зачем ссориться, когда нет мужчин?

— Ну да, вы же превращаете их в брагонов…

— Они большего не заслуживают. Когда мужчина обронит семя в лоно женщины, ей нужны только его руки. Мускулы. Для работы и защиты. То, что в голове, — лишнее. Мы умнее.

Конан пожал плечами.

— Мускулы — вещь хорошая. Но ты зря меришь всех на один аршин. Вчера я мог убедиться, что и мозги кое на что годятся. На «Белой ласточке» был один парень… Кстати, вы догнали фазелу?

— Да. Ее команда в плену. Они станут брагонами. Все, кроме зингарки.

— Ваше дело. Так вот, там был один пуантенец, Лабардо кажется, дохлячок, который освободил своих друзей без всякого оружия и драки.

— Как?

— Сыграл с одним пиратом в «мельницу». Ставкой была свобода. Он сделал все партии.

Рука Даны застыла, так и не поднеся янтарный шарик ко рту.

— «Мельница»? — спросила она. — Игра? Он хороший игрок?

— Хвастал, что уложил самого Даркатеса, Верховного Жреца Зингары. Жаль, что в такой голове скоро ничего не останется.

Дана промолчала и снова принялась за еду.

— Ладно, — сказал Конан, — брагоны не в счет. Но я видел еще каких-то в юбках там, на лестнице. Разве они не мужчины?

— Нет. Они — слуги Гратакса.

— Гратакса? Это ваш бог?

— Боги на небесах. Гратакс здесь.

— Расскажи мне о нем,

— Что ты хочешь знать?

— Кто такой этот Гратакс. Он живет во дворце?

— Нет, в Лабиринте. Не живет. Он — есть.

— На что он похож?

— Тебе лучше не знать.

— Ладно. Вы его боитесь?

— Пусть боятся мужчины. Гратакс делает из них брагонов.

— Неужели не нашлось ни одного храбреца, кто бы попытался одолеть эту тварь?

— Пытались. Лабиринт пройти нельзя. Везде гибель. Сам не пройдешь. Только Илл'зо знает путь. Уводит в Лабиринт пленников, а возвращает брагонов. Некоторых оставляет себе.

— Илл'зо? Это еще кто?

Дана молча указала рукой в сторону колоннады. Только сейчас Конан заметил в густой тени возвышение, покрытое пышным ковром. Возле него безмолвно стояли худые люди в сине-красных юбках. На возвышении кто-то сидел.

— Илл'зо, Жрец Черепа.

— Ваш повелитель?

— Нет. Наша повелительница — Омма Фа, твоя нареченная. Илл'зо — главный слуга Гратакса.

— Хотел бы я взглянуть на главного врага рода мужского, — хмыкнул Конан.

Словно заслышав его слова, фигура на возвышении поднялась и сделала несколько шагов вниз. Бритоголовые пришли в движение, поспешно выстраиваясь в две шеренги — от возвышения к фонтану. Илл'зо прошествовал между ними, высоко поднимая худые ноги, покачивая головой, словно журавль, высоко поднимая подбородок с приклеенной бородкой-трубочкой, выкрашенной синими и красными кольцами. Юбка жреца была гораздо шире, чем у остальных слуг Гратакса, на ней виднелись какие-то магические знаки.

Подойдя к столику Конана, Илл'зо застыл, поглядывая на киммерийца сверху круглыми внимательными глазами.

— Привет, — буркнул варвар, не поднимаясь. — Хочешь выпить?

— Встань, о, пришелец, возникший из моря, — заговорил жрец нараспев, — встань, поклонись и ответствуй, лукавство, отбросив, как ты зовешься, и родину где ты оставил?

— Зовусь я Амра, лев морей, — отвечал северянин, все еще раздумывая, стоит ли покидать мягкое ложе.

Решив все же соблюдать чужие обычаи, пока к тому принуждают обстоятельства, он поднялся и добавил:

— А родина моя далеко. Ты о ней не слышал.

И без того огромные глаза жреца округлились еще больше.

— Амра, пират, ты разбойник морской, беспощадный…

— Польщен, — перебил Конан. — Рад, что ты меня знаешь.

— С севера прибыл из хладной страны Киммерии, — продолжал Илл'зо. — Был ты наемным солдатом, щитом громыхал по дорогам…

— Громыхал, — кивнул Конан, — и по дорогам громыхал, и по полям кровавым. Потом надоело.

— Прежде проворством и ловкостью славен ты был во стенах Шадизара. Кровь проливал на арене далекой Халоги, многих мужей победил и бежал дерзновенно. Возле морских берегов, на просторах Турана, многим властителям кровь ты испортил, ночной обитатель. Снова облекшись в броню и копьем потрясая, силой и храбростью злато стяжал, управляя многими войнами, шлем заслужив златоверхий. К желтым кхитайцам отправился вместе с посольством, снова вернулся, на север спеша ледногорый. В черных болотах сражался, в Боссонских погибельных землях, там дикарей побеждал… А в Офире искусством из лука метко разить поражал короля-недоноска…

— Откуда ты это взял? — Варвар даже не старался скрыть изумления.

— Вместе с Белит, кровожадной и смелой пираткой, черным возмездием был кораблям и в пучины их много отправил, — закончил слуга Гратакса, опускаясь на подушки. — В сердце читаю твоем, о, пришелец надменный, имя назвал — остальное открыто. Ты же присядь, и осушим заздравные чаши.

— Это всегда, — Конан прилег на подушки, с любопытством поглядывая на Илл'зо,

который, утомившись длинной речью, залпом осушил кубок.

— Обо мне ты, видно, все знаешь, — сказал варвар, когда жрец осторожно вытер свою бородку-трубочку и потянулся за шариком розового желе, — может, теперь расскажешь о себе?

— Я — Предстоятель Богов и Десница Пророков, Смерти слуга и Предвестник бессмертия мира, — пропел Илл'зо. — Я побеждал победителей, славой увенчанных бренной, я на вершины всходил и в долины спускался, там драгоценностей много, но мне их не надо…

— Хм, — сказал только варвар, — удивительное дело.

— Нет удивления там, где господствует мудрость, — наставительно заметил жрец, — там, где игра, — побеждает Спокойный.

— Хотел бы я знать, в какие игры ты играешь, — проворчал Конан себе под нос, но жрец его услышал.

— Нет ничего, что сокрыто от глаз Просвещенных, род свой ведущих от самых фундаментов мира. Мы побеждаем не ради надменности праздной, ради спокойствия грозно разим дерзновенных.

— И превращаете их в брагонов?

— Тех, кто погряз в суете, развращен безвозвратно, тех, кто, мужами зовясь, суть — явление скверны.

— Теперь я понимаю, почему вы носите юбки.

— Почему? — удивился Илл'зо. И, спохватившись, добавил: — Слово свое поясни, северянин смышленый!

— Потому что не относите себя к мужам.

Слуга Гратакса потер бритый череп и молвил:

— Только незрячий различье полов наблюдает, мудрый признает, что нет между ними отличья.

— Ну, ты меня удивил! — хлопнул себя по колену варвар. — А я думал — знаю, откуда дети берутся. Послушай, открой мне тайну: эта Омма Фа, или как там ее, она — женщина или мужчина? А то, знаешь, мне скоро предстоит с ней возлечь.

Илл'зо задрал приклеенную бородку и ответствовал:

— Много познанья тебе предстоит, молодой храбрый воин, много открытий, ведущих к явлению сути. Я же скажу, что царица прекраснее многих долго слыла и тому подтвержденьем служит ее изваянье у этого трона…

Он указал куда-то за спину Конана. Обернувшись, варвар увидел в тени колоннады, как раз напротив возвышения, с которого недавно спустился жрец, еще одно. Там стояло пустое кресло, а возле действительно темнела плохо различимая отсюда статуя.

— Ты сказал — была? Что это значит?

— Ликом своим Омма Фа и луну затмевала, но порешила сравниться блистанием с солнцем. Долго она вопрошала меня, мне же много открыто тайн, что неведомы даже царицам. Я снизошел, ибо дщерью считаю ту, кто цветущую землю хранит неустанно. Есть в диких скалах большая купальня, Древние мира ее завещали потомкам. Там омываемся мы после долгих служений, после в сырых лабиринтах несчетных блужданий. Три водопада несут там прозрачные струи с горных вершин, с поднебесья Тирами. Зная их тайну, я так наставлял дорогую царицу: в первом омоешься — силу упругую в теле вновь ощутишь и девицею юной пребудешь. А под вторым водопадом лик свой прекрасный омоешь — станет

прекрасней еще и разгладится кожа, вновь зарумянится, станет блестящей, как солнце. Третьего струй же коснешься — задумайся прежде! — в смертных ты трепет вселишь, неподвластный сужденью…

Илл'зо перевел дух, и варвар воспользовался паузой, чтобы сказать:

— Мыслю, ваша Омма была бабенкой не первой молодости, если хотела разгладить морщины под этими водопадами. Надеюсь, ей это удалось. Ладно, первая струя возвратила ей девственность, вторая — юность, а что дала третья?

— В третьей струе не велел я купаться, — покачал головой жрец, — ибо для смертных она слишком много скрывает. Только богам и служителям их подобает ликом своим вызывать трепетание прочих. Омма же Фа, своенравная гордая дева, смело вступила под водные звонкие вихри…

Громкие звуки фанфар прервали увлекательное повествование слуги Гратакса. Из-под колоннады выступили девы, окружившие довольно странное сооружение. Оно напоминало небольшую палатку из пестрой ткани, укрепленную на шестах, которые несли четверо брагонов. Приветственные крики понеслись к знойному небу, струя фонтана вспыхнула яркими огнями, ударили литавры. Туземки образовали живой коридор, по которому двигалась процессия — прямиком к столику Конана.

— Встань, о, достойный, прошествуй навстречу невесте, — пропел Илл'зо, поднимаясь и оправляя юбку, — смело и гордо иди по велению свыше…

Вздохнув, киммериец прикончил одним глотком оставшееся вино, поднялся и зашагал к палатке.

Дана откинула полог, и варвар застыл, уставившись в душный полумрак, где, широко расставив кривые ноги и поводя в его сторону длинными, похожими на мшистые корни руками, стояла его нареченная.

— Приди, приди, супруг мой! — донесся низкий утробный глас.

«В смертных ты трепет вселишь, неподвластный сужденью», — бешеными ударами крови зазвенели в голове варвара слова жреца.

Сбивая с ног зазевавшихся и позабыв об отравленных копьях брагонов, киммериец с диким ревом ринулся к выходу…

Глава шестая

ТАЙНА ГРАТАКСА

Он успел пробежать не менее ста шагов, утыканный, как еж, летающими иглами, впившимися в кожу спины, прежде чем ноги его подкосились, и Конан рухнул на каменные плиты. Сознание оставило варвара, а когда он открыл глаза, увидел прекрасное лицо юной девы — темные зрачки, в которых трепетал отблеск свечей, смотрели на него пристально, не мигая.

Поняв, что лежит обнаженный под взглядом какой-то довольно наглой девицы, киммериец хотел подняться, но почувствовал, что руки и ноги его крепко пристегнуты железными кольцами к жесткому ложу. Низкий каменный свод нависал над ним, едва озаренный тусклым светом, все остальное помещение тонуло во тьме.

Девица отступила в ату тьму и снова появилась, держа в руках плетеную корзину.

— Кто ты? — хрипло спросил варвар, облизывая сухие губы.

— Твой кошмарный сон. — Голосок ее прозвенел, чистый и радостный, столь несообразный словам, им произнесенным.

— Плохо о себе думаешь, — сказал киммериец. — Ты не такая уж страшная. Наоборот. Развяжи меня, и мы превратим кошмар в дивные грезы.

— У тебя есть невеста. Только с ней ты можешь вкусить все радости мира.

Она звонко рассмеялась.

— Радости мира? А ты видела ту милашку? Любая горилла по сравнению с ней — писаная красавица. И запах. Я едва не задохнулся. Так пахнет, должно быть, бродячий пес, если его облить духами. Много я повидал страшилищ, но первый раз обратился в бегство. Давай условимся: если поедешь путешествовать, никому не говори, что бесстрашный Амра потерял голову из-за какой-то большой белой обезьяны.

— Ты нарушил клятву, пришелец! — воскликнула юная дева, и на сей раз, слова ее звучали гневно. — Ты отверг ту, коей предназначен по воле богов!

— Что-то я не помню, чтобы в чем-то клялся, — пробурчал варвар.

— Так поклянешься! Иначе смерть твоя будет ужасна.

Она открыла крышку корзины и небольшими деревянными щипчиками достала из нее нечто, блеснувшее изумрудным сполохом.

— Взгляни.

Щипцы оказались перед глазами Конана, и он увидел извивающуюся змейку в локоть длиной. Тело ее скручивалось в кольца, маленькая пасть была открыта, на острых зубках — капельки яда.

— Яд изумрудной змейки действует медленно, но неотвратимо, — услышал он ясный голос, — ты будешь мучиться до захода солнца, тело твое распухнет, и кожа станет отваливаться клочьями… Глаза вылезут из орбит, гной выступит из многочисленных язв, сойдут ногти…

— Если хочешь меня напугать, зря стараешься, — перебил киммериец, — я видел и не такое.

— Видел, а теперь ощутишь это все на собственной шкуре. Но ты можешь избежать мучительной гибели, если поклянешься самым святым, что выполнишь свое предназначение. Решай.

— Я не боюсь смерти, — презрительно отвечал варвар.

— Посмотрим.

Она отступила на шаг и бросила змейку на распластанное тело. Ни один мускул Конана не дрогнул, когда холодная лента скользнула по его животу, проползла по бедру, возвратилась назад и соскочила на пол. Девица проворно схватила ее щипцами, подошла поближе к возвышению и положила змею на шею варвара. Та хвостом стегнула его по уху и поползла, стараясь захлестнуть шею петлей. Задница Нергала! Неужели придется погибнуть здесь, в каменном мешке, от руки столь юного и привлекательного создания? Киммериец не раз бывал в руках палачей, которые всегда дивились его выдержке и хладнокровию, умению превозмогать боль и плевать в лицо своих мучителей. Но то были грубые мужланы, почти всегда уродливые, скрывавшие лица под масками или капюшонами, и души имели не более, чем орудия, которыми пользовались. Сейчас дело обстояло иначе: он не чувствовал никакой ненависти к своей погубительнице. И если она говорит правду, если Кром решил бросить на

него свой последний взгляд, что ж, он умрет, как подобает достойному мужу чести, что бы там ни болтал круглоглазый Илл'зо…

Изумрудная змейка оплела его шею и, приподняв маленькую головку, уставилась на варвара красными бусинками глаз. Между зубов трепетал длинный раздвоенный язык.

— Клянись, пришелец, клянись, пока не поздно!

Он молчал. Нарушать клятвы, данные даже под пытками, — последнее дело. Это хуже, чем убивать детей и вскрывать животы беременным женщинам. Конан только крепче сжал зубы.

Щипцы снова ухватили змею. На сей раз девица положила ее варвару на грудь. Плоская треугольная голова оказалась в двух пядях от губ киммерийца. Крошечная пасть все так же беззвучно раскрывалась и закрывалась, раздвоенный язык метался между зубами…

— Ты храбрый, пришелец, — услышал он слова юной девы. — Храбрый, но глупый. Кто же отказывается от трона, когда он сам плывет в руки?

— Я согласен, — выдавил варвар, — согласен на трон. Только без обезьяны…

— Не смей называть великую госпожу именем этого гнусного животного! — взвизгнула девица. — Она вовсе не…

Голос осекся, потом дева заговорила зло и быстро:

— А если и так, если и обезьяна? Что тебе в том? Разве власть и почести не стоят маленьких неудобств? Разве не жаждет каждый мужчина повелевать, не жаждет безграничной власти? Весь остров будет у твоих ног, и самые прекрасные в мире женщины будут целовать твои сандалии…

— Лучше что-нибудь другое…

— Ах, вот как! Все мужчины одинаковы — похотливы и омерзительны. Так знай же, пришелец, я обманула тебя. Яд изумрудной змейки не убивает. Но он способен лишить тебя того, что ты ценишь больше самой жизни!

С этими словами она вновь схватила змею и повернула головой к ногам киммерийца. Липкая живая лента скользнула вниз…

Этого Конан никак не ожидал. Он напрягся, стараясь разорвать оковы, но железные кольца держали крепко.

— Один укус, всего один маленький укус, — хохотала девица, — и ты никогда больше не сможешь называть себя мужчиной! Я не стану делать из тебя брагона, я велю посадить тебя в клетку и показывать тем, кто захочет нарушить клятву!

— Эй! — возопил варвар. — Послушай! Мы можем договориться!

Голова змеи коснулась его паха, заставив содрогнуться.

— О чем ты хочешь говорить?

— Освободи меня, и мы убежим вместе. У меня есть знакомый палач в Тарантии. Обещаю тебя представить. Ты сможешь сделать отличную карьеру…

Издевательский смех был ответом.

Холодная дрянь копошилась между его ног, извивалась, готовясь укусить…

Вдруг лязгнула дверь, в комнату на мгновение пролился и тут же угас неясный свет.

— Кто там еще? — услышал он сердитый голос своего палача. — Это ты, Дана? Пришла посмотреть, как клятвопреступник лишится своей мужественности?

Дана отвечала что-то столь тихо, что слов было не разобрать.

— Кто? — воскликнула девица.

В голосе ее явственно прозвучала радость.

Снова тихий ответ.

— Если так, тогда…

Изумрудная змейка, схваченная щипцами, исчезла в корзине.

— Скажи ему, — бросила юная мучительница. — Я поговорю с Игроком.

Лязгнула дверь, потом комнату залил красноватый свет зажженного факела. Железные оковы спали, и Конан, потирая затекшие руки, сел на возвышении.

Белокурая Дана стояла перед ним, держа в руке факел. Она снова облачилась в доспехи, однако оружия при ней киммериец не заметил. Воительница подала ему одежду.

— Благодарю тебя, — сказал он, завязав пояс. — Ты явилась вовремя. Знаешь, я предпочел бы отправиться в Лабиринт и постараться одолеть Гратакса, чем лежать здесь, забавляя эту безумицу…

— Она не безумица, — сказала Дана. — И ты пойдешь в Лабиринт, чтобы одолеть Гратакса.

Конан поперхнулся.

— О, женщины, — пробурчал он, — воистину, Митра создал вас, чтобы мужи не скучали. Не ты ли говорила, что это невозможно?

— Боишься, воин?

— Нет! Но, прежде чем пуститься в предприятие, не худо бы знать, с кем или чем предстоит иметь дело.

— Я скажу, а ты слушай. Гратакс — кумир нашего острова. Он находится в центре Лабиринта, дорогу к нему ведают только жрецы. Лабиринт кишит чудовищами, встреча с каждым — верная смерть. Никто не видел Гратакса, кроме тех, кого он обращает в брагонов своим взглядом. Но брагоны ничего не могут рассказать,

— Весело! И ты хочешь, чтобы я пошел в Лабиринт, уничтожил чудовищ и… что?

— Вынес кумира наружу.

— Зачем?

— Узнаешь.

— Я готов.

— Ты не пройдешь и десяти шагов, как погибнешь.

— Лучше смерть в бою, чем любовь обезьяны или изумрудная змейка.

— Нам не нужна твоя смерть. Ты должен принести кумира.

Конан досадливо сплюнул.

— Всегда замечал, что женщины мыслят иначе, чем мужчины, — сказал он. — Если я погибну через десять шагов, то как же, Нергал вас всех задери, я смогу достигнуть центра Лабиринта?

— Гибель грозит, если ты попытаешься проложить дорогу силой оружия. Еще никто не смог этого сделать. Но если ты будешь играть…

— Играть?

— Да, по определенным правилам. И не один. С тобой пойдут другие.

— Кто?

— Твои люди, команда «Ласточки», пуантенец. Он будет Главным Игроком.

Конан немного подумал. Кое-что ему стало ясно. Очевидно, Дана не зря так внимательно слушала, когда он рассказывал ей о юном Лабардо, сумевшем победить самого Даркатеса. Только тогда пуантенец играл на деревянной доске, сейчас же…

— Согласен, — сказал он. — А против кого предстоит партия?

— Вашим противником будет Илл'зо, — сказала Дана. — Он объяснит остальное.

* * *

— Тот, кто войдет в эту дверь, тот дерзает отважно, жизнью ничтожной рискуя, стремится к вершинам. Вглубь опускаясь, поднимется он над собою, а проиграв — обретет у богов снисхожденье…

— Это мы еще посмотрим, — пробормотал Конан и толкнув в бок стоящего рядом Лабардо.

— Эй, пуентенец, ты что предпочитаешь, обрести снисхождение богов или выиграть партию?

— Пустой вопрос, — отвечал вполголоса молодой человек, — ни один настоящий игрок не начинает партию без надежды на победу.

— Ты мне нравишься, — хлопнул его по плечу Конан.

Лабардо отвел взгляд. Если бы он смел ответить, ответ его вряд ли пришелся бы капитану «Белит» по вкусу.

Лабардо не мог простить того, что Амра сделал с Эстразой.

Судьбе было угодно, чтобы они стали партнерами, но это отнюдь не примеряло пуантенца с варваром.

Конан взглянул на зингарку. Глаза девушки блестели, она крепко сжимала тонкими пальцами золотую рукоятку кинжала, висевшего на ее поясе. Кожаный камзол, скроенный на женский манер, прикрывал ее высокую грудь, короткая юбка открывала стройные ноги выше колен, голени крепко оплетали ремни сандалий. На голове ее был легкий шлем, украшенный зелеными камнями, — выглядела Эстраза весьма воинственно. Она стояла по правую руку от Лабардо, не сводя восхищенного взгляда с юного пуантенца.

Решение идти с остальными в Лабиринт она приняла добровольно. Хозяйки острова на сем не на стаивали, но и противиться не стали. Илл'зо разразился по этому поводу очередной тирадой, суть которой сводилась к следующему: и среди женщин бывают ослепленные души и, дабы наставить их на путь истинный, подобных жен следует подвергать испытаниям. А испытаний в Лабиринте — хоть отбавляй.

Теперь их отделял от таинственной двери десяток шагов. Слуги Гратакса стояли по сторонам тяжелых железных створок, скрестив по своему обыкновению худые руки на груди. Дверь, хоть и была не менее двадцати локтей вышиной, казалась маленькой между двумя огромными каменными черепами, украшавшими стену залы. В пустых глазницах мертвых голов мог легко бы уместиться пяток-другой взрослых мужчин, ощеренные зубы были вытесаны из красного камня, на каменных лбах — магические знаки.

Над входом виднелась надпись, которую Илл'зо уже успел перевести. Она гласила: «Вступивший в Лабиринт подобен искре. Угаснет или разгорится».

Пираты и матросы «Ласточки» толпились за спинами Конана, Лабардо и девушки. Сжимая в руках оружие, они злобно поглядывали друг на друга: недавние враги никак не могли привыкнуть к мысли, что теперь им предстоит действовать заодно. Рядом с Эстразой зябко поводил плечами Карастамос, худой лысоватый старик, ее воспитатель.

Блюдя верность госпоже, он вызвался сопровождать зингарку в мрачных подземельях. Киммериец отдавал должное подобной преданности, хотя с удовольствием бы придушил

старикашку: тот позволил себе болтать лишнее, когда за хмельной чашей Конан помянул изумрудную змейку.

Выпивали они в покоях Жреца Черепа: Илл'зо, как радушный хозяин, угощал их разнообразными напитками, среди которых оказалось даже ячменное пиво — приятная неожиданность для варвара, успевшего подустать от шипучих напитков. Хватив сразу добрую кварту, Конан разомлел, и язык его развязался.

— Клянусь дубиной Крома, — сказал он, — я был на волосок от того, чтобы стать возлюбленным белой обезьяны! Когда холодная тварь поползла вниз по моему животу, слова клятвы готовы были сорваться с моих ryб…

Тут он приметил, что Карастамос криво усмехается.

— Эй, старик, — бросил варвар, — в твоем возрасте опасно скалить зубы. Не ровен час — выпадут.

Старый воспитатель побледнел и перестал улыбаться.

— Скажи нам, что тебя так насмешило, — потребовал киммериец.

— Я только подумал, господин мой, — прогнусавил старик, — подумал, услышав о сем страшном деле…

— Что, хвост Нергала тебе в кишки?!

— …Я изучал разных гадов и знаю, что у изумрудной змейки слишком маленькие зубы. Она может прокусить только самую нежную кожу. У тебя же, о достойнейший из пиратов, кожа толстая. Думаю, что и там, куда змея направлялась…

Донна Эстраза, возлежавшая на шелковых подушках с маленьким кубком в руках, обидно засмеялась.

— Гроза морей испугался какого-то зеленого червяка!

— Нет, о, прекрасная дева, страх Амре не ведом, — вступил в разговор Илл'зо, — лишь пелена его разум от света скрывает. Мыслит конкретно сей варвар, желая остаться мужем достойным, чтоб подвиги вновь совершать…

— Ну, да, — осклабился Конан, — остаться мужем — это не куль изюма. Хотя тебе, жрец, этого не понять. Давай не тяни, рассказывай: каких подвигов ты ждешь и что надобно делать в твоем Лабиринте.

Илл'зо наморщил лоб, округлил глаза и возвестил:

— Тот, кто решится сыграть против древних заклятий, быть перестанет собою, вступив в лабиринты. Волю утратив, он станет десницей вожатых, станет податливой плотью и сталью булатной…

— Речь твоя темна и невнятна, — нетерпеливо перебил варвар. — Что значит — «податливой плотью и сталью»? Говори яснее!

— Правильный ход означает победу над монстром, если ошибка — то плоть пожирают нещадно.

— И вожатым будет Лабардо?

— Этот игрок предостойный согласен сразиться, вас поведет в лабиринты юнец благородный.

— Еще бы не согласен! Лучше рискнуть, чем стать безмозглым брагоном. А каковы правила?

— Каждый, сюда попадая, играет лишь так, как умеет.

Юноша сей за доскою снискал себе славу.

— Значит, будем играть в «мельницу». И мы станем фишками?

Илл'зо величественно кивнул.

— Ладно, — сказал Конан. — Не думаю, что позволю себя сожрать, даже если наш гроссмейстер даст маху. Придется идти. Да и выбор, мыслю, у меня, как и у остальных, не велик. Но что заставило хозяйку изумрудной змейки меня освободить? Людей много…

— Эти ничтожные — только безгласные фишки, — был ответ, — ты же, о Амра, владеешь железною волей. Если пройдешь Лабиринт до дверей Цитадели, с Гратаксом грозным скрестится твой взор напоследок.

— Покончив с «мельницей», станем играть в гляделки, — заключил киммериец. — Или все же придется поработать мечом?

Жрец презрительно скривил губы.

— Гратакс Великий в потоках времен пребывает, ведает все безучастный, высокий, как небо. Не прибегая к оружью, вершит свою волю. Нет ничего, что текло бы помимо Благого.

— Ты хочешь сказать, он — сам Митра?

— Митра — Творец, но чертоги его удаленны, здесь, на земле, за порядком следят его слуги. Гратакс — древнейший, возникший еще до Потопа, в те времена, когда девы владели мирами…

— Хорошо, что мать родила меня всего двадцать пять зим назад, — хмыкнул варвар. — Если я перегляжу кумира, что дальше?

— Храбрость и мужество будут подмогой герою. Если он сможет смотреть не мигая в глазницы, то испытание выдержит, если же дрогнет — он обратится в брагона и будет до века безмозглым. Так или иначе, цель у тебя, о, пришелец, нам принести сей кумир, для того и свободу ты получил, страшной казни избегнув…

— Из проруби да в костер, — проворчал Конан. — Вот что, жрец, кончай ходить вокруг да около: я должен знать, с чем буду иметь дело. Если не выложишь все об этом Гратаксе — можешь пойти и взять его сам.

Илл'зо разразился длиннющей тирадой, из которой явствовало, что он этого сделать не может. Немного поразмыслив, жрец все же поведал историю таинственного кумира. Говорил он долго. Речь его изобиловала туманными иносказаниями и пышными эпитетами, но Конан уже научился вычленять из словоизлияний круглоглазого суть.

А суть была такова.

Очень давно (но гораздо позже Потопа) в море чуть западнее островов Сиптаха буря застигла караван пиратских галер. Шел он в Стигию, чтобы продать на невольничьем рынке белых рабынь, захваченных в прибрежных селениях. Большинство этих женщин ждала страшная участь — они должны были стать жертвами стигийских магов, поклонявшихся Сету, Змею Вечной Ночи. Это божество, одно упоминание о котором приводило в трепет живущих севернее реки Стикс, требовало от своих служителей обильной крови — требовало и получало. Главарь пиратов (имя его Илл'зо называть не стал) заранее сговорился со жрецом Ох-Пта, и посланники мага уже ждали невольниц на рынке Луксора, чтобы отобрать самых молодых и красивых, ибо Сет предпочитал исключительно кровь юных девиц. Стигийцы так и не получили желаемого: как уже говорилось, караван попал в бурю, несколько кораблей пошли ко дну, остальные прибились к неведомому острову, не обозначенному ни на одной карте. Остров был сплошь покрыт джунглями, а посреди высилась большая гора, над вершиной которой курился легкий дымок.

Заделав пробоины и подлатав паруса, работорговцы хотели было покинуть этот пустынный берег, но все усилия оказались тщетны: ни под парусами, ни на веслах они не

смогли отойти дальше выстрела из аркбалисты.

Мысль обследовать остров пришла в голову их вожака по тем же причинам, что и давеча киммерийцу. Если неведомые чары не позволяли кораблям уйти, значит, где-то должен был скрываться их источник. Сделав вылазку, пираты не нашли ни единого разумного существа, зато обнаружили множество древних построек, почти полностью скрытых густыми зарослями.

Пресной воды в источниках и озерах хватало, непуганая дичь водилась в изобилии, а остров был достаточно велик — сие обстоятельство заставило работорговцев построить укрепленный лагерь и продолжать обследования в надежде обнаружить искомое.

Искомое же никак не хотело обнаруживаться. Люди излазали остров вдоль и поперек, заглянули во все полуразрушенные строения, приподнимали с помощью рычагов тяжелые плиты, проламывали стены и даже поднялись на вершину горы, где был кратер древнего вулкана, покрытый застывшей лавой. Все было тщетно: неведомая сила по-прежнему удерживала их корабли, словно на привязи.

Только ворота возле поляны с поверженными каменными воинами они так и не смогли открыть. Когда же главарь велел пустить в ход железные ломы, сверху упал большой камень, убивший десять человек, и пираты оставили свои попытки.

Потом стало происходить нечто странное. Люди начали исчезать один за другим, их поиски ни к чему не вели, не обнаруживалось даже трупов. Вожак велел закрыться в лагере, обнесенном высоким частоколом, и выходить за провизией не иначе как отрядами. И все же исчезновения продолжались.

А через две седмицы, когда из работорговцев в живых остались не более тридцати человек, отряд, отправившийся в джунгли, чтобы пополнить запасы питьевой воды, подвергся внезапному нападению. Нападавшие пустили в ход короткие, грубо сделанные дротики с костяными наконечниками, убили пятерых и ранили троих пиратов. Оставшиеся в живых ответили яростной атакой и обратили врага в бегство. Им удалось убить несколько неведомых существ, в которых они с ужасом признали своих пропавших товарищей. Но, боги, что сталось с их головами! Они усохли, словно вяленые плоды, лица были до неузнаваемости изуродованы — казалось, страшная болезнь долго терзала несчастных…

Среди работорговцев поднялась паника. Как всегда бывает в таких случаях, во всех бедах обвинили вожака. С двумя верными людьми ему пришлось бежать из лагеря. Остальные пустились в погоню. Они почти настигли беглецов у подножия вулкана, и тем, спасаясь, пришлось подняться к самому кратеру. Пираты загнали их на кромку и здесь схватили.

С громкими воплями они бросили своего главаря и его приспешников вниз, в жерло, — курящаяся дымами корка, покрывавшая слой лавы, разошлась, тела людей канули без следа. Торжествуя, словно сей акт возмездия даровал им долгожданную свободу, головорезы отправились обратно в лагерь, По дороге они все были перебиты брагонами.

Далее повесть Илл'зо стала совсем невнятной — Конан понял только, что брошенные в кратер не погибли, а каким- то образом оказались в недрах горы, в центре Лабиринта, называемом Цитаделью. Здесь они и обнаружили первоисточник колдовства, довлеющего над островом. Это был огромный хрустальный череп, в глазницах которого таилась древняя сила. Что там произошло, и почему Гратакс выбрал для возрождения древнего культа троих морских разбойников, осталось неясным. Киммериец подозревал, что у Гратакса просто не было выбора. Так или иначе, главарь работорговцев и два его товарища стали первыми жрецами кумира. И открылось им многое…

Вернувшись из Лабиринта уже в новом обличии, бывшие разбойники направились в лагерь, чтобы забрать невольниц. Услышав, что отныне они свободны, женщины поначалу не хотели верить своим ушам, а когда поверили — радость пьянящая дев обуяла, стали порядок они наводить и детей нарожали…»

Еще бы не нарожать — пираты, видимо, времени зря не теряли.

С тех пор сменилось несколько поколений. Уже первые поселенки во главе брагонов стали выходить в море на обретших свободу кораблях. Они захватывали пленных, часть из них Гратакс превращал в мелкоголовых рабов, другие, более достойные, становились его слугами. Ни тем, ни другим Конан не завидовал: кумир лишал их мужской силы, а с точки зрения варвара это было хуже, чем смерть. Единственным утешением для жрецов было бессмертие — омываясь в струях горных водопадов, они обретали вторую молодость.

Узнав, как выглядит его будущий противник, киммериец помрачнел. Он предпочел бы сразиться с десятком чудовищ, чем иметь дело с древней магией. Однако выбора не было: одолеть монстров предстояло тщедушному Лабардо, ему же уготовано было мериться волей с хрустальным черепом.

Думая свои тяжелые думы, варвар налегал на пиво и вареное мясо — угощение и выпивка у Жреца Черепа, надо отдать должное, были получше, чем на свадебном пиру.

Илл'зо уединился с юным пуантенцем в углу залы — они обсуждали правила предстоящей Игры. Как ни напрягал Конан слух, ему почти ничего не удалось разобрать. Но если бы даже он сидел рядом, мало что открылось бы его разумению. Разговор был куда более непонятным, чем прежние речитативы жреца.

«Трубы, несущие весть, возвещают проходы, — слышался голос слуги Гратакса, — люди фигуры составят… а если внезапно — лапа лягушки, то это веление вправо… монстра слабейший окрутит… и плоть поедает…»

«Но цвета, — восклицал Лабардо, — здесь важны еще цвета!»

«Каждый разбойник — он синий, как волны морские… Красного цвета, как знамя Зингары, матросы…»

«А если я захочу камнем на дно?»

«Трех отдаешь и ложишься в спокойную гавань…»

«Почему трех, почему трех-то? Всегда было двух!»

«Древние правила были основой, потом изменились… Если нарушишь одно — обречешь на погибель… И, отступив, Цитадель ты оставишь, к выходу снова фигуры разложишь, к спасенью…»

«Ну, уж это никуда не годно! Проникнув в Цитадель, я должен выиграть…»

Так они бубнили довольно долго, пока, как видно, не сговорились обо всем. На этом прием в жреческом зале был окончен.

Под присмотром Даны и ее мелкоголовых воинов пленникам выдали оружие. Пиратам и матросам «Ласточки» объяснили, что они отправляются в опасную экспедицию, наградой за успех будет свобода. Всем строго-настрого было приказано и шагу не делать без распоряжения Лабардо, ибо любой самовольный шаг — верная смерть.

И вот теперь только створки железной двери отделяли Конана и остальных от неведомого, таящегося внутри. За их спинами на полукруглых трибунах восседали пестро разодетые женщины. Слева от входа висела большая плита, на которой вспыхивали и угасали неясные контуры. По ним, понял киммериец, зрительницы будут наблюдать за их блужданиями, победой или гибелью. Лабардо держал в руках плитку шириной в локоть — на

ней тоже светились очертания замысловатых коридоров.

— Воля к победе, искусство в Игре хитроумной пусть вам сопутствуют, а я как противник сделаю все, чтобы Гратакс остался доволен, — завершил напутствие Жрец Черепа.

— Не сомневаюсь, — сказал Конан. — Только мы на зуб попадаться не собираемся. Так, пуантенец?

Лабардо молча кивнул. Он неотрывно смотрел на плитку у себя в руках.

— Вперед! — скомандовал варвар. И, обернувшись к Илл'зо, добавил: — Забыл тебя спросить за разговорами: на кой вообще ляд вытаскивать наружу эту хрустальную черепушку?

— Тот, кто проникнет по правилам древней науки во Чрево Святое и Гратакса взгляд одолеет, кто не заблудится и не погибнет, ступая по коридорам, обратно из них выбираясь, тот обретет благодарность и руку царицы, — ответствовал жрец. И, заметив, как вытянулось лицо варвара, поспешно добавил: — Взгляда кумира достаточно будет, чтоб водопада мгновенно разрушить заклятье. Девой предстанет под солнечным светом царица…

— Ну, это другое дело. Тогда и трон под задницей жестким не покажется!

Заскрипели железные петли, и Конан первым ступил под таинственные своды Лабиринта.

Глава седьмая

СТРАННАЯ БИТВА

Собственно, никаких сводов не было. Конан ожидал увидеть узкие коридоры, но за железной дверью оказался небольшой двор, усыпанный мелким острым гравием. Далеко вверху висело багровое марево, в котором терялись очертания построек. Двор упирался в желтую стену, вдоль которой вытянулись в ряд витые железные столбы с тускло горящими светильниками. Ров шириной в десять локтей отделял квадратное отверстие входа от путников.

— Не вижу моста, — сказал киммериец. — Придется прыгать.

— Здесь я командую, — сказал Лабардо твердо.

Варвар взглянул на пуантенца: щеки пылают, но вид решительный. Конан пожал плечами — валяй.

— Постройтесь в шеренгу, — скомандовал Лабардо, — корсары — справа, матросы — слева.

Люди неохотно выполнили распоряжение. Вид у всех был мрачный, в глазах — страх.

— Запомните, что ваши жизни зависят от беспрекословного выполнения того, что я буду говорить. Шаг в сторону — верная смерть. Какие бы ужасы ни встретили нас в Лабиринте, не поддавайтесь панике. Мы пойдем в разные стороны, но у меня есть эта доска, — Лабардо поднял над головой пластину, — я буду знать, где находится каждый…

— А как мы услышим ваши приказы? — спросил капитан Поулло.

— В стенах Лабиринта спрятаны полые трубы, по которым голос разносится далеко и отчетливо. Так сказал жрец.

Поулло кивнул. Старый морской волк выглядел пободрей прочих: он верил, что Лабардо успешно справится с предстоящим испытанием. Если мальчишка вчера сумел вырвать их из рук самого Амры, значит, боги на его стороне. А капитан знал, что расположение богов — это почти верный успех.

Пуантенец отцепил от пояса кожаный мешочек, развязал, всыпал на ладонь пригоршню маленьких разноцветных горошин и подошел к Джакопо, стоявшему крайним в ряду матросов «Ласточки».

— Каждый проглотит эти штуки, — заявил он тоном, не терпящим возражений, — они позволят мне видеть вас на доске. Зингарцы возьмут себе красные, пираты — синие. И запомните свой номер.

Он пошел вдоль рядов, подавая людям горошины и громко выкрикивая: «Первый! Второй! Третий…»

Конану, Эстразе и ее старому воспитателю достались горошины розового цвета. Киммериец хотел было спросить, с чем это связано, но передумал. Он вдруг вспомнил, что меч давно не точен, и пожалел, что забыл это сделать. Хотя Илл'зо и уверял, что, играя по правилам, монстра сможет одолеть даже ребенок, варвар привык полагаться не на слова, а на свой клинок.

Закончив обход, Лабардо снова встал в центре, глянул на доску, удовлетворенно кивнул головой и, задрав голову, громко крикнул: «Мы готовы!»

Никто ему не ответил, только из квадратного отверстия в желтой стене донесся низкий протяжный звук, словно где-то в глубинах Лабиринта прокатилась железная бочка.

— Странно, — пробормотал юноша, — кажется, я все сделал, как договаривались.

Он немного подождал, прислушиваясь, но все было тихо.

Так тихо, что звенело в ушах.

— Эй, пуантенец, — не выдержал варвар, — мы чего ждем, сошествия Митры? Ров не широкий, я могу…

— Постой, — перебил его Лабардо, — твоих людей на одного больше… значит… значит…

— Что, забодай тебя бешеный бык?!

— Как я не подумал… Но я не могу…

— Не можешь?! Хорошее начало! Ты Игрок или девственница на первом свидании? Вперед во имя Крома!

Лабардо неуверенно топтался, оглядывая строй пиратов помертвевшим взглядом.

— Послушайте, месьор Амра, — вдруг горячо зашептал он на ухо киммерийцу, — я должен послать одного из ваших людей на верную смерть. Он первым войдет в Лабиринт и сразу же погибнет. Это называется — жертва в дебюте.

— Только-то! — осклабился варвар. — Я уж думал, ты со страху позабыл, как двигать фишки. Пятым от нас стоит Иоба Рябой, пошли его.

— Но…

— Что — но? Я видел, как играют в «мельницу». Если не будешь жертвовать фишки, никогда не победишь. Иоба станет первым, но не последним. Так?

— Так. Хорошо. Только скажите ему сами.

Конан окликнул Рябого. Тот послушно приблизился, настороженно поглядывая на своего капитана маленькими свинячьими глазками. Рожа у него была мерзкая, изо рта невыносимо пахло.

— Хочешь пятьдесят монет, ублюдок? — спросил киммериец.

Иоба кивнул.

— Тогда перепрыгнешь ров и опустишь нам мост.

Корсар снова кивнул, не выказывая, впрочем, особой радости.

Он разбежался и, сильно оттолкнувшись, прыгнул. Приземлился на той стороне и завертел головой, отыскивая признаки моста. Не найдя ничего похожего, обернулся, раскрыл рот…

Закрыть его Иоба так и не успел.

По сторонам входа стояли две змеевидные колонны, высеченные из зеленоватого камня. Головы с похожим на рог отростком прижаты к земле, туловища подняты кверху, хвосты поддерживают массивный карниз с вытесанным изображением открытого глаза. Карниз остался на месте, а тела каменных гадов ожили, переплетаясь кольцами, и в этих кольцах мелькнуло тело пирата, увлекаемое куда-то вглубь черной дыры. Раздался вопль, полный ужаса и боли, и в тот же миг из рва поднялись плоские бледные тела гигантских червей…

Люди в ужасе завопили и бросились обратно к железной двери, через которую недавно вошли, но никакой двери уже не было…

— Стоять! — заревел варвар, размахивая мечом и щедро раздавая зуботычины. — Стоять, или я сам выпущу вам кишки!

Конан оглядывался через плечо, готовый отразить атаку неведомых существ, но те канули в ров столь же стремительно, как и появились. А к зияющему отверстию входа вел теперь узкий мостик без ограждения.

Водворив порядок среди корсаров и матросов, киммериец мрачно осведомился у Лабардо, что делать дальше. Бледный пуантенец растерянно смотрел на пластину в своих руках — по ней бегали тусклые светящиеся линии. Хорош вожак, подумал варвар. Наделал в штаны еще до начала вылазки. Мальчишка, сопляк… Игрочишка. Чего он мямлит? Назад хода нет, значит, надо идти вперед. Плюнуть на все бредни жреца, прорваться силой оружия. Не в первый раз. Почему нужно верить всему, что наплел какой-то пустобрех в юбке…

— Сделавший ход да начнет состязаться с достойным, — прогремел вдруг неведомо откуда голос Илл'зо, — чашу весов да склонит в свою пользу уменьем!

— Так-то лучше, — проворчал варвар сквозь зубы. — Веди, разумник.

Предводительствуемые Лабардо, они перешли мост и оказались в довольно широком коридоре, длинном и прямом, как Королевская дорога в Аквилонии. В забранных мутными стеклами нишах горели светильники, дававшие вполне достаточно света, чтобы видеть жуткие изображения на стенах. Были здесь двухголовые змеи, быки с головами тигров и четырехрукие обезьяны, черви с лапами лягушек, птицы с хвостами крокодилов и какие-то неведомые существа с раздутыми, словно утопленники, телами. Неведомые знаки густо покрывали стены между фигурами, а поверху тянулся бордюр, украшенный тысячами маленьких каменных глаз.

— Не очень похоже на Лабиринт…

Конан не успел закончить: заскрежетало, загремело — каменные блоки через неравные промежутки утонули в стенах, открывая многочисленные проходы. Что-то ухало и чавкало в их глубинах, мелькали тусклые огни и тянуло смрадом.

— Кром, — ругнулся варвар, половчее перехватывая меч, — веселое место…

Лабардо уставился на свою пластину. Лоб его покрылся потом, он что-то беззвучно шептал, закатывал глаза и снова смотрел на тусклые линии. Потом стал отдавать приказы.

Повинуясь его распоряжениям, люди потянулись в проходы. Матросы шли с видом смертников, которых ожидает Танцевальный Помост (так именовался главный эшафот Кордавы), пираты подбадривали себя страшными ругательствами и богохульствованиями. Эстраза судорожно цеплялась за рукав юноши, ее наставник безучастно стоял рядом.

Линии на доске вдруг ярко вспыхнули, среди них загорелись разноцветные точки. Конану показалось, что пуантенец вздохнул с облегчением. Он подошел к стене и принялся внимательно ее разглядывать.

— Тебе о чем-нибудь говорят эти чудища? — спросил варвар, кивнув на барельефы.

Лабардо рассеянно кивнул.

— Да, многие из них изображают игровые позиции «мельницы». Вот этот бык, например. Он зовется «крепкий лоб и острый зуб», потому у него тигриная голова. Двухголовая змея — «вилка», эта фигура опасна для противника. А ящерица без глаз…

— Хватит, — прервал его Конан, — это все пустые умствования. Ты собираешься действовать?

Юноша не ответил. Он обнаружил то, что искал: в оскаленной пасте каменной головы темнело небольшое отверстие.

Припав к нему губами, пуантенец начал что-то невнятно выкрикивать. «Первый, второй, восьмой синие — четыре вправо, десять влево, — разобрал Конан, — красные, с шестого по одиннадцатый, пятый проход направо, остальные — пятнадцать шагов влево…»

Игра началась.

* * *

Это была странная битва. За десять с небольшим лет, прошедших с тех пор, как он покинул свою холодную Киммерию, Конан побывал в десятках больших сражений, когда тысячи конных и пеших ратников сшибались в неистовом смертоносном вихре, и копья ломались, как сухой тростник, и щиты разлетались на мелкие куски, словно арбузные корки, а потоки крови, смешиваясь с грязью, заставляли лошадей увязать по самое брюхо. Он знал, что такое битва в строю, что такое схватка один на один, он поднимался по приставным лестницам на стены городов, под тучей стрел перепрыгивал с борта на борт кораблей, он одинаково хорошо владел мечом, палицей, топором, метко стрелял из тяжелого боссонского лука и столь же искусно — из арбалета, а если нужно — умел свалить противника крепким ударом кулака. И всегда он полагался лишь на собственную отвагу, силу и звериное чутье, подаренное ему Кромом, богом киммерийцев, в момент рождения, когда Владыка Могильных Курганов бросил на него с небес первый и единственный взгляд.

Здесь, в Лабиринте Острова Брагонов, все обстояло иначе. Не было яростной жажды, утолить которую способен лишь клинок, напившийся крови врага, и время тянулось медленно и тягуче, как патока из черпака кондитера. Ему не нужно было прикидывать, как ловчее напасть и как защитить спину. Он был игрушкой, подвластной чужой воле, он шел, куда велел голос, доносившийся из отверстий в стенах, он не смел сделать и шагу без дозволения Лабардо и сразить чудовище по собственному почину — чтобы не нарушить правила.

С первым монстром Конан столкнулся вскоре после того, как потерял главного Игрока из виду. По его приказу он прошел через узкие коридоры, дважды или трижды свернув в

разные стороны, пока за очередным поворотом не столкнулся нос к носу с неким существом, жалким и жутким одновременно.

У него были козлиные ноги, поросшие густой свалявшейся шерстью, и два человеческих торса с козлиными же головами. Четыре мутных глаза уставились на варвара, две жидкие бородки затряслись в такт не то смеху, не то рыданиям.

Конан сделал ровно четырнадцать шагов — как велел пуантенец. Теперь он стоял в двух локтях от чудовища и не знал, что делать дальше. Руки чесались срубить обе отвратительные башки, и он уже вытащил меч, когда услышал из отверстия жестяной голос, искаженный трубой: «Стой, Амра, ты запер эту фишку. Я скажу, когда тебе ходить дальше».

Пришлось стоять, довольствуясь лицезрением уродца.

Тот мотал рогами, топал копытом — всячески изображал гнев, но тоже не двигался.

Конан успел помянуть всех темных богов, пока ни услышал новый приказ.

«Ты берешь его, — донеслось из трубы. — Руби, Амра!»

Расправив затекшие плечи, киммериец занес меч. Монстр вдруг упал на колени и тоненько заблеял, словно невинный ягненок под ножом мясника. Варвар ожидал чего угодно, только не этого. Он невольно замешкался и снова услышал голос Лабардо: «Руби!»

Отпихнув ногой окровавленное тело, он прошел за угол, свернул в узкую щель, поднялся по каким-то ступеням и вновь застыл, на сей раз не имея ничего против: прямо из стены на расстоянии вытянутой руки вдруг выскочило остро отточенное лезвие, рубануло воздух и вновь исчезло.

Впереди из дыры в стене раздался довольно отчетливый голос. На этот раз приказ отдавал Жрец Черепа: «Номер шестнадцать, приблизься вплотную к розовой фишке на левом трезубце!»

Зачавкало, потянуло трупным запахом, и «номер шестнадцать» явился из тьмы. Больше всего он напоминал огромный зеленовато-желтый гриб, шляпку которого украшали сотни мелких красноватых щупалец. Конан невольно содрогнулся. В другое время он, не задумываясь, разрубил бы демона на куски, даже не успев толком разглядеть. Сейчас же ему пришлось изучить строение его тела во всех подробностях — стоять рядом опять пришлось немало. Киммериец успел прикинуть, что создание, видимо, большей частью обитает в воде: к его телу прилипли бурые водоросли, и двигалось чудище явно с большим трудом. Значит, в Лабиринте есть какие-то водоемы, не ровен час Игра продолжится в их пучинах.

Еще Конан успел помыслить, что «розовая фишка» — это он сам и есть. Надо же. Что за «трезубец» такой, он не знал, но подозревал в нем мудреную фигуру «мельничной игры».

— Амра, восемнадцать вперед, три влево, — проскрежетал через трубу Лабардо.

— А с этим что делаться — вопросил киммериец в дырку у себя над плечом.

— Пропускаешь.

Вот это тоже было неслыханно — стоять рядом с врагом, ощущать его запах, сжимать в руке оружие… и оставить, уйти, так и не нанеся ни одного удара.

Впрочем, легко уйти не удалось. Выждав момент, когда лезвие выскочило из стены и снова скрылось, Конан бросился вперед, обогнул смердящий «гриб», и… сотни холодных щупалец опутали его плечи.

— Проклятие! — возопил киммериец в пространство. — Эта сыроежка не знает правил!

Видимо, Лабардо что-то разглядел на своей светящейся доске — под сводами пронесся его отчаянный вопль:

— Освободись, только не убивай его! Иначе Игре — конец!

— И нам тоже, — пробурчал Конан.

Он вытащил из-за пояса короткий нож и легко разрезал холодную липкую сеть. Монстр хлюпнул и принялся раскачиваться, словно сожалея об упущенной добыче. Конан не стал смотреть: пройдя восемнадцать шагов вперед, он свернул в новый коридор и отсчитал еще три.

Коридор был узкий, прямой и длинный — конец его терялся в непроглядной темноте. Оттуда затопали, раздались невнятные проклятия, и навстречу вышел капитан Кроче собственной персоной.

Завидев грозного Амру, капитан раскрыл рот, ничего не сказал и встал в двух шагах, прислонившись к стене.

— Давно не виделись, лоханщик, — приветствовал его киммериец. — Ладно, твое общество все же лучше вонючих монстров. Поболтаем.

Но поболтать они не успели. В коридоре появились еще несколько «фишек» — двое корсаров и матрос с «Ласточки». Повинуясь приказам Лабардо, они выстроились цепью шагах в пяти друг от друга. А потом началось нечто невообразимое.

Конан оказался напротив довольно большого отверстия и мог отчетливо слышать, как переговариваются между собой Игроки — Лабардо и слуга Гратакса. Слышат ли их слова остальные, он не знал, но если нет — их счастье.

«Трех ты отдал, о, соперник достойный, как надо, двух потерял, уступив моей воле могучей, — бубнил в трубе Илл'зо, — тело питона построил, но я же тебя обыграю: выведу иглы и зубы и вилку устрою…»

«Ты не сможешь, — отвечал гулко Лабардо, — я отдам еще двух. Ты обязан взять, ты знаешь. В прямом коридоре — тогда вилки не будет».

«Смелый игрок, ты теряешь число, наступая. Помни о том, сколько нужно фигур в Цитадели…»

«Я помню. Играют не числом — умением».

«Шестеро слева зайдут и возьмут твою жертву, двое закроют проход за спиною пришельца!»

И сейчас же раздалось утробное рычание — в коридоре появились шестеро демонов. Разевая собачьи пасти, они прыгали на длинных ногах через головы людей, располагаясь между ними. Они крутились и вертелись, брызгая хлопьями желтой слюны, но не трогались с места, и только двое кинулись на свои жертвы, сомкнув тяжелые челюсти, разрывая в клочья мягкую плоть… Матрос с «Ласточки» погиб быстро: он даже не пытался сопротивляться. Чудовище перекусило ему горло и, торжествующе подвывая, принялось пожирать тело. Второй жертвой стал один из корсаров — он отмахивался саблей, но клинок быстро сломался, и монстр ухватил его когтистыми лапами поперек туловища. Пират заорал. Когти все глубже погружались в его плоть, он извивался, стараясь вырваться, его выкаченные глаза безумно уставились на Конана.

— Помоги, Амра! — вопил он. — Помоги, будь ты проклят!

Это был кашевар, умевший готовить отличный плов и жареную рыбу. Он еще что-то кричал, когда монстр одним ударом рассек ему грудь, вырвал трепещущее сердце и отправил кровавый комок себе в пасть…

Кром! Конан саданул мечом в стену — полетели искры. За его спиной какие-то мелкие создания деловито усаживались на корточки, «запирая проход». Плюгавые недоноски с пупырчатыми лягушачьими телами — он раздавил бы их одной ногой. А тому, что пожирает

останки кашевара, вырвал бы печень и запихал в пасть. Кром!

Он не двинулся с места.

Капитан Поулло, бледный, словно кусок мела, обратился в безмолвную статую. Корсары тоже остолбенели, в ужасе ожидая своей участи…

Все они были уже мертвы, когда Конан, Лабардо, Эстраза, ее воспитатель и еще трое оставшихся в живых достигли Цитадели.

Глава восьмая

ВОСПЛАМЕНЕНИЕ ОГНЯ

— Что теперь?

Они стояли в узком коридоре, огибавшем по квадрату помещение не более двадцати метров в ширину. То, что скрывалось внутри, было отделено совершенно гладкой стеной без всяких украшений. А вела туда дверь — маленькая, одностворчатая, сделанная из материала, похожего на тусклую слюду.

— Я провел вас в центр Лабиринта, — отвечал Лабардо, кусая губы. — Все было по правилам, в обычных случаях игра на этом кончается. Но по условиям Илл'зо, нам еще предстоит вернуться обратно.

— А сначала забрать с собой Гратакса. Мыслил, его обитель будет пошикарней.

— Мы не знаем, что внутри, — начал, было, пуантенец и осекся.

Раздалась протяжная заунывная музыка — словно скребли по стеклу железом — и из бокового прохода показался сам Жрец Черепа. На сей раз он был облачен в просторную хламиду, испещренную красными и синими знаками, на голове — сразу две высокие шапки, одетые одна на другую, тех же цветов. За ним следовали трое помощников.

Илл'зо поклонился в пояс и, обращаясь к юноше, запел своим мерным низким голосом:

— То, что другие зовут и считают победой, что принимают за счастье, в душе торжествуя, — только иллюзия. Боги ее посылают, дабы измерить ничтожество мира и рода людского. Ты же, вступивший под своды, ведущие в Вечность, гордость умерь и прикинь свою малость, прохожий…

— Стой! — рявкнул тут варвар. — Это как понимать? Он с тобой играл и честно провел нас в Цитадель, а ты называешь его «прохожий»…

Илл'зо неодобрительно глянул на киммерийца и продолжал:

— Все мы прохожие в мире подлунном, и победитель блистательный — гость на пиру мимолетном. Юноша сей оказался смышленым и храбрым, верно ходы рассчитал и добился успеха, но испытание Гратакса будет суровым. Трое войдут в эту дверь, ибо по трое входят те, на кого будет взгляд обращен. Кто конкретно — решайте.

И жрец безмолвно застыл, скрестив на груди худые руки.

— Один есть, — сказал Конан. — Это я. Лабардо отпадает: ему еще выводить нас назад. Женщине там делать нечего. Из оставшихся возьму двоих, кто сам пожелает.

— Я пойду, — неожиданно выступил вперед старый Карастамос.

— И я, — вызвался курчавый Джакопо. — Хочу глянуть, ради чего сложил голову капитан Поулло.

— Будет так, — кивнул варвар. — Давай, жрец, отворяй двери.

Илл'зо торжественно кивнул.

Конан ждал, что слуга Гратакса произнесет заклинание или сделает таинственный жест, но жрец просто открыл дверь, потянув за невзрачную ручку. Створка заскрипела, и трое вошли внутрь.

Это был скорее колодец, чем комната. Неровные стены убегали вверх, и там, в головокружительной вышине, полыхали багровые сполохи. Невнятный гул наполнял помещение, пол слегка подрагивал.

Когда глаза привыкли к полумраку, Конан различил в центре каменное шестиугольное возвышение, над которым плавали в тяжелом воздухе белые искры. Гул несся оттуда. Искры мелькали все быстрее, сливаясь в сплошное сияние, внутри заполыхали голубые молнии, возникли неясные очертания, потом сияние угасло, а в двух локтях над алтарем повис зеленоватый, полупрозрачный череп. Сквозь него ясно виднелась противоположная стена комнаты с еще одной небольшой дверкой.

Пустые глазницы мертвой головы налились холодным светом. Киммериец невольно сделал шаг вперед, сжал рукоять меча… и тут же отпустил эфес. Руки его опустились вдоль тела, он сделал еще шаг и еще… Огромным усилием воли заставил себя остановиться. Безжалостная сила притягивала, глазницы Гратакса превратились в круглые вогнутые зеркала, в их глубинах рождались какие-то образы — жуткие и манящие одновременно.

И он увидел. Увидел мертвую женщину, висевшую на собственном кроваво-красном ожерелье. «Белит, — простонал варвар, — только не ты…» Непостижимым образом он снова стоял на берегу Зархебы, неподалеку от древних развалин, тоска и бессильная ярость снова сжимали сердце. Веки повешенной дрогнули, она открыла глаза.

Варвар сделал еще один шаг — к ней. «Ты обещала вернуться, — сказал он, — и ты вернулась. Белит…» Ее лицо исказила ужасная судорога. Презрение и ненависть были ответом на слова киммерийца, Посиневшие губы дрогнули, он услышал сдавленный голос: «Брагон… ты стал брагоном, Конан». Нет, хотел он крикнуть, это морок, очнись, Белит, я прежний! Я разорву это проклятое ожерелье, сдавившее твою прекрасную шею, я унесу тебя на корабль, мы уйдем вниз по реке, навстречу океану и вольному ветру. Мы снова будем вместе. Очнись, Белит…

— Очнись, Амра, — услышал он над ухом чей-то задыхающийся голос. Открыл глаза и увидел рядом старика Карастамоса.

Оба они сидели, привалившись спинами к шершавой стене комнаты-колодца. Полупрозрачный череп по-прежнему висел над алтарем, но его страшные глазницы были обращены на кого-то другого. Стены и пол подрагивали.

Варвар зарычал, силясь подняться, и почувствовал легкую руку на своем плече.

— Сиди, — шепнул Карастамос, — во имя Митры, сиди.

— Что… что он со мной сделал?

— Открыл твою душу. И почти завладел ею. Если бы не я…

— Ты — чародей?

— Нет. Но кое-что смыслю в таких делах. Некоторые люди тоже обладают даром проникать в чужие души, но силы этого существа неизмеримо выше…

Страшный крик прервал его речь. Теперь Конан увидел Джакопо. Зингарец катался по полу, обхватив руками голову, и выл, словно раненый зверь. Глазницы черепа смотрели в его сторону — что отражалось в их глубинах, было ведомо только помощнику капитана «Белой

ласточки».

Конан снова хотел вскочить, и Карастамос вновь удержал его.

Джакопо застыл, потом тело его мучительно изогнулось, он сел, крепко ухватив себя за курчавую шевелюру, и принялся раскачиваться из стороны в сторону.

— Нет! — выкрикнул он изменившимся до неузнаваемости голосом. — Я не хотел твоей смерти, уйди!

— Митра Всемилостивый, — прошептал старик, — спаси и сохрани нас, ничтожных…

Джакопо снова завыл. Руки его безвольно упали, вой захлебнулся, глаза закатились.

— Уйди, мать, — произнес он отчетливо и стал заваливаться набок.

Как только его голова коснулась пола, с ней стали происходить стремительные и жуткие превращения. Она уменьшалась на глазах, слышно было, как трещат, сжимаясь, лобные кости. Густые черные волосы выпадали клочьями, кожа сморщилась и потемнела, какая-то бурая жидкость текла из ушей… И все это длилось не более трех вздохов — вместо человека на полу корчился, затихая, мелкоголовый брагон.

— Теперь моя очередь, — шепнул Конану старый наставник донны Эстразы. — Потом он снова возьмется за тебя. Не поддавайся, Амра, спаси девочку. Возьми это.

Он протянул киммерийцу небольшой полотняный мешочек.

— Здесь Зерна Плакабы, они очень твердые, но ты сможешь их раскусить… Мне они не помогут, я слишком стар. Прощай.

— Не поминай зла, — сказал варвар и сам удивился своим словам.

Гратакс развернулся в воздухе и уставился на старика. Тот поднялся и пошел к алтарю на подгибающихся ногах. Не дойдя совсем немного, вдруг опустился на колени и простер к алтарю руки.

— О, Митра, — услышал киммериец его прерывающийся голос, — я иду к Тебе, Податель Жизни!

Потом Карастамос прикрыл ладонью глаза и воскликнул:

— Свет, какой свет!

В голосе старика звучало непонятное торжество. Он мягко упал вперед, ткнулся лицом в земляной пол и больше не двигался.

Джакопо, вернее тот, в кого обратился зингарец, поднялся, подошел к телу старого наставника, ухватил за шиворот и поволок к двери за алтарем.

Он еще не успел скрыться, когда варвар смог, наконец, встать на ноги. Жуткие глазницы Гратакса снова были обращены в его сторону. Киммериец сунул в рот прозрачные зернышки, оставленные Карастамосом, попробовал раскусить, не смог и вытащил меч.

— Давай, — сказал он черепу, — попробуй меня взять, ублюдок.

Над алтарем полыхнуло. Гратакс исчез — вместо него на камне, скрестив ноги по-турански, сидел худой жилистый человек в белой чалме.

— Узнал? — спросил он насмешливо. — Говорил я тебе, что еще свидимся. Подойди ближе, поболтаем.

Только тут Конан узнал Али, Красного Брата с Барахских островов, которого собственной рукой отправил в Колодец Смерти.

— Ты? — выдохнул киммериец.

— Я. Опусти меч, не станешь же ты убивать меня во второй раз.

— А где… Гратакс?

— Я и есть Гратакс. Вернее, он взял мою душу, и я стал его частью, сохранив в то же

время индивидуальность. Это слишком сложно для твоих варварских мозгов, но уж придется поверить на слово. Да опусти ты свой меч, я теперь бессмертен…

— Тогда зачем явился? Отомстить?

Али разразился гулким хохотом.

— Мстить?! У тебя мания величия. Кто ты для меня? Ничтожный червь, пресмыкающийся во прахе. Дуну — и рассыплешься.

Конану вдруг стало смешно. Он перекатил языком Зерна Плакабы за щеку и оскалил зубы.

— Ну, давай, — сказал, — поглядим, что ты умеешь. Может, только губами двигать бесплотными.

Али насупился.

— Не торопись, успеешь к Нергалу. У меня есть другое предложение. Присоединяйся ко мне. Гратакс возьмет тебя, и мы станем едины. В мире, где я теперь обитаю, не так уж плохо. Скажу больше: здесь намного приятней, чем в бренном теле. Можно мгновенно переноситься куда захочешь: в горы, трактир или спальню королевы. Презабавные вещи, доложу тебе, приходится наблюдать…

Конан презрительно сплюнул.

— Предлагаешь стать призраком? Что толку смотреть на чужие забавы, когда сам бесплотен?

— Вот тут ты ошибаешься, северянин, — просиял Али. — Сразу видно, что ничему никогда не учился. Мое тонкое тело при определенных условиях может обретать некое подобие плоти. И наслаждения, кои сия плоть вкушает, намного превосходят все, тебе ведомое. Отбрось сомнения и иди к нам. Мы сможем меняться оболочками и даже пребывать в одной и той же разом. Твоя сила, мой ум — можно славно повеселиться.

Конан почувствовал, как тошнота подступает к горлу.

— Мы станем всесильны, — вещал дальше призрак Али, — и так будет вечно. Здесь, на Острове Брагонов, обретем мы покой и блаженство. В объятиях прекрасной царицы Оммы… Кстати, она принимает ужасный облик лишь под лучами солнца, а в темноте юна и обольстительна. Да ты ее видел, там, в подвале, ее прекрасные руки держали изумрудную змейку. О, я уже представляю наши утехи в широкой постели: твоя неутомимость, мой опыт в любовных играх…

Конан прыгнул, стараясь достать туранца мечом. Упругая сила бросила его назад, он едва устоял на ногах.

Али снова захохотал.

— Какой резвый! Молодой, сильный — лакомый кусок для непобедимого Гратакса. Только помысли, ничтожный, молодость быстро проходит. Что ждет тебя? Невзгоды, новые раны, предательства, палачи в застенках… Если выживешь — старость, когда мускулы твои ослабеют, глаза утратят блеск, а чувства остроту. Ты станешь равнодушен к женщинам и вину, и только блеск золота будет рождать в сердце бессильное желание купить безвозвратно утерянные блага жизни. Потом — вечные скитания по Серым Равнинам… Подумай. Еще есть время. Тебе все равно не выйти отсюда: Илл'зо никогда не допустит, чтобы царица Омма Фа разделила с мужчиной власть над островом. Жрец обманул вас и никогда не выпустит из Лабиринта.

— А что станет с Лабардо и… зингаркой?

— Что станет? Неужели тебе не все равно?

Конан молчал. Меч его был бесполезной игрушкой, сила — никчемной, храбрость — обузой. Он яростно сжал зубы… и почувствовал, как треснуло, раскалываясь, прозрачное зернышко.

Горячая волна ударила в голову. Мгла отступила, все стало отчетливым и ясным. Сквозь призрачную плоть Али он увидел иное существо — жуткое, беспрестанно меняющее очертания, усеянное тысячами маленьких злобных глаз.

Он ринулся вперед, уже понимая, что неведомая сила древнего божества не сможет ему помешать, и погрузил клинок в отвратительное тело, еще и еще…

Когда желтая слизь сползла с каменного алтаря, Конан увидел у себя под ногами небольшой хрустальный череп, вырезанный довольно грубо и весь покрытый трещинами.

Он поднял его и направился к выходу.

* * *

— Но кто же закончил Игру, если Лабардо погиб? И как спаслась донна Эстраза?

Месьор Дато, разодетый в пышные дорогие одежды, небрежно поправил малиновый бархатный берет с длинным пером, погладил унизанными дорогими перстнями пальцами короткую бородку, хитро сморщил свое плоское личико и подмигнул молодому красивому аргосцу, сидевшему среди прочих слушателей за столом мессантийской таверны «Жемчужная раковина».

— В том-то и дело, — сказал он, — что Игра в Лабиринте так и осталась незаконченной. Хотя Лабардо должен был победить. Ибо он сделал свой самый красивый, но вместе с тем и самый дорогой ход: отдал себя, как простую фишку, чтобы выстроить «сердце дракона» из трех фигур. А вы знаете, что «сердце дракона» заставляет противника пропустить сразу четырнадцать ходов. Так что капитану Амре и донне Эстразе можно было успеть добраться до выхода. Но северянин все испортил. Он не был Игроком и не верил в честность Илл'зо. В одном из коридоров он обнаружил дверь, над которой было начертано на понятном для киммерийца языке: «Открывший, обретет свободу, но воспламенит огонь». И он открыл ее, нарушив правила.

Слушатели разочарованно вздохнули. Для них, записных игроков в «мельницу», собравшихся в Мессантии на грандиозный турнир в день памяти Лабардо Смышленого, поступок варвара был просто немыслим. Выстроить «сердце дракона» и не довести дело до конца… Нет, это уже слишком.

— Открыв створки, Амра и донна Эстраза оказались на поляне каменных воинов, — продолжал Дато. — Они успели добежать до галеры, прежде чем вершина горы лопнула, и оттуда вырвались снопы огня и дыма. Под градом падающих с неба камней пираты сумели вывести корабль из бухты: чары, державшие судно, больше не действовали. Они поставили парус и понеслись прочь от страшного места.

— А остров? — спросил кто-то.

— Помните приливную волну, смывшую множество приморских поселений? Думаю, Остров Брагонов погрузился на дно морское. Не станем о нем жалеть. Хвала Митре, донна Эстраза сумела спастись: не знаю почему, но безжалостный Амра высадил ее недалеко от Гарзеи, а сам куда-то исчез. О нем тоже жалеть не будем.

— Ну а желтый перстень, что был у Лабардо, он куда делся? — спросил красивый

зингарец.

— Не знаю, — хитро улыбнулся Дато, что-то поглаживая в кармане атласных штанов, — видно, так и сгинул в Лабиринте. Во всяком случае, донна Эстраза, поведавшая мне эту историю, ничего о нем не говорила. И вот что пришло мне в голову, — сменил он тему, — давайте выпьем за здравие той, кому обязаны нашей ежегодной встрече в стольной Мессантии, той, что устроила для нас эти великолепные соревнования, — за здоровье светлейшей донны Эстразы!

Все дружно подхватили этот тост и осушили кубки.

— А теперь, — важно молвил Дато, — пора и за дело. Только тот, кто постоянно совершенствует свое искусство, достоин внимания богов. Партию, месьор?

Юный красавец кивнул и поставил на стол доску.

— Вы правы, — сказал он, — мы, игроки, люди особенные. Если бы Амра был игроком, он верно бы понял начертанные над той дверью слова и не стал бы нарушать правила. А так — разбудил огненную гору.

— У каждого свой огонь, — пожал плечами Дато.

И Лучший Игрок Хайбории принялся расставлять деревянные фишки.

WWW.CIMMERIA.RU

Сканирование и вычитка: Lord